КОПИРАИТ
Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского Авторского Общества
Ежеквартальный научно-практический журнал
1/2022

Интеллектуальная собственность и инновационное развитие

О. А. Пятаева
Состояние трансфера технологий в российской легкой промышленности 5

Охрана интеллектуальной собственности

А. П. Заяц
Регистрация товарных знаков в Евразийском экономическом союзе: единые механизмы 16

Авторское право

А. Г. Серго, Е. И. Романенкова
Опыт Всемирной организации интеллектуальной собственности
по урегулированию доменных споров 26

Н. Ю. Сергеева
Актуальные проблемы медиасферы с позиции законодательства
об интеллектуальных правах 41

Промышленная собственность

И. В. Шугурова
Влияние законодательства Европейского союза о конкуренции
на осуществление и защиту патентных прав в сфере стандартизации 52

Средства индивидуализации

О. В. Плясунова
Квалификация обозначений как сходных до степени смешения
с объектами культурного (природного) наследия
в практике Суда по интеллектуальным правам 71

Научная школа

С. А. Бикметова
Особенности правового регулирования государственного контракта
в законодательстве о контрактной системе 79

М. М. Пучинина
Правовая природа принудительной лицензии 93

А. В. Коленикин
Рационализаторское предложение как новый объект исключительных прав 101

Учредители
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское Авторское Общество

Редакционный совет
А. О. Аракелова; Б. М. Борисов (г. София, Республика Болгария); Ю. Л. Бошицкий (г. Киев, Украина);
А. В. Данилов-Данильян; И. А. Дроздов; Ю. С. Зубов; Г. П. Ивлиев; Б. Б. Леонтьев; Н. З. Мазур;
М. Массаро (г. Турин, Италия); К. С. Мауленов (г. Алматы, Казахстан); В. Н. Синельникова; Р. И. Ситдикова;
С. А. Страдиня (г. Рига, Латвия); М. А. Федотов

Редакционная коллегия
Т. Т. Алиев; О. В. Видякина; А. Т. Волков; И. В. Дойников;
А. В. Ермаков; Е. О. Китаева; Е. В. Королева; А. Ю. Ларин;
В. И. Мухопад; С. Г. Павликов; В. П. Павлов; В. С. Савина;
А. Г. Серго; В. Р. Смирнова; Л. Н. Устинова; С.С. Ипполитов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608

Адрес редакции
Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а. Тел.: (499) 743-01-64 доб. 176 http: journal.rgiis.ru. e-mail: journal@rgiis.ru

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК при Минобрнауки РФ с 28.12.2018 (специальности: 12.00.03, 08.00.05)

COPYRIGHT
1/2022
Bulletin of the Russian State Academy of Intellectual Property and Russian Authors Society
Quarterly Research and Practice Bulletin

Intellectual property and innovative development

O. A. Pyataeva
The state of technology transfer in the Russian light industry 5

Protection of intellectual property

A. P. Zayats
Registration of trademarks in the Eurasian Economic Union: unified mechanisms 16

Copyright

A. G. Sergo, E. I. Romanenkova
Experience of the World Intellectual Property Organization in Domain Dispute Resolution 26

N. Yu. Sergeeva
Actual problems of the media sphere from the perspective of intellectual law
Industrial property 41

Industrial property

I. V. Shugurova
The impact of the European Union competition law on the exercise
and protection of patent rights in the field of standardization 52

Means of individualization

O. V. Plyasunova
Qualification of designations as confusingly similar to objects of cultural
or natural heritage in the Intellectual Property Court practice 71

Scientific school

S. A. Bikmetova
Features of legal regulation government contract in the legislation
on the contract system 79

M. M. Puchinina
Legal nature of compulsory license 93

A. V. Kolenikin
Innovation proposal as a new object of exclusive (patent) rights 101

Founding group
The Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Authors Society

Editorial Board
A. O. Arakelova; B. M. Borisov (Sofia, Republic of Bulgaria); Y. L. Boshitskiy (Kiev, Ukraine); A. V. Danilov-Danilyan; I. A. Drozdov; Yu. S. Zubov; G. P. Ivliev; B. B. Leontev; N. Z. Mazur; M. Massaro (Turin, Italy); K. S. Maulenov (Almaty, Kazakhstan); V. N. Sinelnikova; R. I. Sitdikova; S. A. Stradinya (Riga, Latvia); M. A. Fedotov

Editorial Staff
T. T. Aliev; O. V. Vidyakina; A. T. Volkov; I. V. Doinikov; A. V. Ermakov; E. O. Kitaeva; E. V. Koroleva; A. Yu. Larin; V. I. Mukhopad; S. G. Pavlikov; V. P. Pavlov; V. S. Savina; A. G. Sergo; V. R. Smirnova; L. N. Ustinova; S.S. Ippolitov

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-45608

Address of editorial office
h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow. Tel.: (499) 743-01-64 доб. 176, http: journal.rgiis.ru. e-mail: journal@rgiis.ru

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation should be published from 28.12.2018 (12.00.03, 08.00.05)

Состав редакционного совета журнала «Копирайт»

1. Аракелова Александра Олеговна, д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, ректор, главный редактор;
2. Борисов Борислав Михайлович, д.э.н., профессор, директор Института интеллектуальной собственности и лидерства (г. София, Республика Болгария);
3. Бошицкий Юрий Ладиславович, к.э.н., профессор, ректор Киевского университета права НАН Украины (г. Киев, Украина);
4. Данилов-Данильян Антон Викторович, к.э.н., профессор НИУ ВШЭ, действительный государственный советник 1-го класса;
5. Дроздов Игорь Александрович, к.ю.н., Фонд «Сколково», председатель правления;
6. Зубов Юрий Сергеевич, к.пед.н., руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент);
7. Ивлиев Григорий Петрович, к.ю.н., президент Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации;
8. Леонтьев Борис Борисович, д.э.н., профессор, академик РАЕН, генеральный директор ЗАО «Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса»;
9. Мазур Наталья Зиновьевна, д.э.н., генеральный директор ООО «ВКО-Интеллект»;
10. Массаро Мариэлла, европейский патентный поверенный, магистр европейского права, юридическая фирма Studio Legale Jacobacci & Associati, адвокат и партнер (г. Турин, Италия);
11. Мауленов Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор, Международный университет информационных технологий (г. Алматы, Казахстан);
12. Синельникова Валентина Николаевна, д.ю.н., профессор, НИУ ВШЭ;
13. Ситдикова Роза Иосифовна, д.ю.н., доцент, Казанский федеральный университет;
14. Страдиня Светлана Аркадьевна, д.э.н., Балтийская международная академия (г. Рига, Латвия);
15. Федотов Михаил Александрович, д.ю.н., профессор, член Союза журналистов России.

Состав редакционной коллегии журнала «Копирайт»

1. Алиев Тигран Тигранович, д.ю.н., профессор;
2. Видякина Ольга Валентиновна, к.э.н., доцент;
3. Волков Андрей Тимофеевич, д.э.н., профессор;
4. Дойников Игорь Валентинович, д.ю.н., профессор;
5. Ермаков Андрей Вячеславович, к.ю.н., доцент;
6. Китаева Елена Олеговна, к.иск.;
7. Королева Елена Владимировна, д.э.н., доцент;
8. Ларин Александр Юрьевич, к.ю.н., доцент;
9. Мухопад Владимир Иванович, д.э.н., профессор;
10. Павликов Сергей Герасимович, д.ю.н., профессор;
11. Павлов Владимир Павлович, д.ю.н., профессор;
12. Савина Виктория Сергеевна, д.ю.н., доцент;
13. Серго Антон Геннадьевич, д.ю.н., профессор;
14. Смирнова Вероника Ремовна, д.э.н., доцент;
15. Устинова Лилия Николаевна, д.э.н., профессор;
16. Ипполитов Сергей Сергеевич, д.ист.н.

Копирайт, 2022, № 1, с. 5–15. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 5–15. ISSN 2307-2741

Интеллектуальная собственность и инновационное развитие

Состояние трансфера технологий в российской легкой промышленности

Научная статья
УДК 330.5.057.7

Ольга Алексеевна Пятаева
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
o.pyataeva@rgiis.ru
кандидат экономических наук
ORCID 0000-0001-6373-1642

Аннотация. *В статье представлены результаты анализа инновационного развития легкой промышленности РФ в 2017–2020 гг., оценки масштабов трансфера технологий в отрасли на основе статистических данных, обозначены возможности совершенствования процессов и процедур, сопровождающих успешный трансфер инновационных разработок. Исследование было проведено по перечню критериев, в числе которых: механизм регулирования и структура отрасли, ключевые показатели, инновационное развитие и его индикаторы, технологическое развитие (статистика разработки и внедрения технологий), развитие инновационной инфраструктуры (кластеры, технопарки и пр.).*
Сделаны выводы о наличии системных и отраслевых особенностей, делающих эффективный трансфер в легкой промышленности невозможным, обозначены векторы преодоления выявленных негативных тенденций.

Ключевые слова: трансфер технологий, легкая промышленность, инновационная активность, патентная активность, экспорт технологий, импорт технологий.

Для цитирования: Пятаева О. А. Трансфер технологий в легкой промышленности: оценка и анализ российского опыта // Копирайт. 2022. № 1. С. 5–15.

Финансирование: Работа выполнена в рамках НИР 2-ГЗ-2020 «Трансфер технологий в инновационной экономике (отраслевой подход)»

The state of technology transfer in the Russian light industry

O. A. Pyataeva
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
o.pyataeva@rgiis.ru
PhD in Economics, ORCID 0000-0001-6373-1642

Abstract. *Presents the results of an analysis of the innovative development of the light industry of the Russian Federation in 2017–2020, an assessment of the scale of technology transfer in the industry based on statistical data, and outlines the possibilities for improving the processes and procedures that accompany the successful transfer of innovative developments. The study was conducted according to a list of criteria, including: the mechanism of regulation and the structure of the industry, key indicators, innovative development and its indicators, technological development (statistics of the development and implementation of technologies), development of innovative infrastructure (clusters, technology parks, etc.).*
Conclusions are drawn about the presence of systemic and sectoral features that make an effective transfer in the light industry impossible, vectors for overcoming the identified negative trends are indicated.

Key words: technology transfer, light industry, innovation activity, patent activity, technology export, technology import.

For citation: Pyataeva O. A. Technology Transfer in Light Industry: Evaluation and Analysis of Russian Experience // Copyright. 2022. No. 1. P. 5–15.

Введение

Принятый в статье подход предполагает, что *трансфер технологий* (далее — ТТ) представляет собой передачу, перенос, переход результата интеллектуальной деятельности (далее — РИД), созданного в одной сфере либо области деятельности (либо на одном предприятии), в другие сферы и области (на другие предприятия). Данный подход базируется на позициях И. С. Мухамедшина [1], О. В. Ревинского [2] и ряда других авторитетных исследователей. Технология в данном случае выступает как алгоритм выполнения какой-либо операции, совокупность знаний о способах и средствах осуществления процессов. Существенным признаком технологии в том случае, если предполагается ее коммерциализация (выведение на рынок), должна являться оборотоспособность, т.е. возможность быть переданной. Данное положение означает, что у владельца технологии есть: а) права на соответствующий охраняемый РИД; б) материальный носитель (документ, программное обеспечение и пр.), на котором выражено (зафиксировано, представлено) то или иное инновационное решение. Только технологии, имеющие вышеуказанные признаки, могут являться объектами трансфера; в соответствии с п. 4 ст. 129 ГК РФ это:

а) способы воспроизводства изобретений, полезных моделей, промышленных образцов;
б) методы получения селекционных достижений;
в) содержание, структуры, алгоритмы топологий интегральных микросхем, программ для электронно-вычислительных машин (ЭВМ), баз данных.

Инновационный процесс в отношении технологии состоит из нескольких стадий: 1) разработки инновационного продукта/технологии; 2) оформления прав на созданные РИД; 3) выражения на материальном носителе; 4) вывода на рынок (в данном случае предполагается, что технология не будет использована внутри организации, а права на нее *будут переданы третьим лицам*).

Переход указанных прав (он может быть коммерческим либо некоммерческим) возможен, в свою очередь, по следующим *каналам*: а) приобретение/реализация продукта или изделия, произведенного по технологии; б) заключение лицензионных договоров, регулирующих использование технологии организацией-реципиентом; в) создание совместных предприятий, в рамках которых происходит разработка/доработка технологии; г) привлечение к реализации технического процесса носителей соответствующих знаний и навыков (сотрудников);

д) прямые инвестиции, позволяющие осуществить передислокацию (например, производства) либо аутсорсинг (передачу процесса производства на сторону). Следует выделить также некоторые нерыночные каналы: технологическую имитацию (копирование), реинжиниринг (реализация технологии в рамках комплексного консалтингового проекта), технологическую разведку, анализ патентных баз данных, документации и пр.

Масштаб ТТ возможно оценить на основе информации: а) о *количестве случаев перехода прав на технологические решения, б) их оценочной стоимости, в) количестве фактически переданных объектов интеллектуальной собственности* (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, программ для ЭВМ).

На микроуровне (отдельного предприятия) такую информацию собрать и агрегировать возможно на основании данных бухгалтерской и управленческой отчетности. На мезо- и макроуровне необходимо использовать информацию статистической отчетности (например, Росстата), которая представлена в открытом доступе далеко не по всем указанным разрезам. Так, обязательной регистрации и учету в Российской Федерации (далее — РФ) подлежат лишь лицензионные договоры и договоры об уступке и залоге прав на использование *объектов промышленной собственности*. Прочие же категории сделок по технологиям из приведенного выше перечня регистрации не подлежат. Их учет находится в ведении отдельных экономических субъектов и часто является коммерческой тайной.

Выводы о развитии *механизмов ТТ,* как представляется, должны базироваться на оценке результатов инновационной деятельности по той или иной отрасли (статистические формы «1-лицензия», «4-инновация», «1-технология») и степени развития инновационной инфраструктуры в отрасли. При этом отнесение к той или иной отрасли может обозначаться по коду вида экономической деятельности (ОКВЭД).

Легкая промышленность: отраслевые параметры, показатели, характеристики

Что касается обозначенных параметров и показателей развития ТТ в легкой промышленности, а также инновационного развития отрасли в целом и состояния соответствующей инфраструктуры, то в этой связи следует отметить ряд важных моментов.

Во-первых, объектом исследования выступает совокупность следующих отраслей промышленности: текстильная, швейная, кожевенная, меховая, обувная и др. отрасли (общее их количество — 14), которые включены в структуру легкой промышленности [3]. Основные направления и перспективы развития отрасли (в том числе положения, касающиеся инновационной деятельности) закреплены в документе «Стратегия развития легкой промышленности в РФ на период до 2025 г.», разработанном Минпромторгом РФ. Указанным ведомством определен перечень системообразующих предприятий (32 единицы); осуществляется контроль в части сертификации продукции и поддержания ее качества.

Во-вторых, для выделения показателей по отрасли с целью проведения анализа были использованы коды ОКВЭД 13, 14, 15 [4]. Подразделение на различные виды деятельности по указанным кодам представлено лишь в части форм статистической отчетности по рассматриваемым периодам. В связи с этим оценка проведена в значительной степени укрупненно.

Что касается важнейших для отраслевого анализа показателей доли валового выпуска отрасли в *ВВП/ВДС экономики РФ*, то по представленным кодам совокупный показатель составил лишь 0,23%. При этом доля ВДС отрасли к итоговому показателю по РФ за минувшие четыре года практически не изменилась; в абсолютном выражении прирост показателя в 2020 г. по сравнению с 2017 г. составил лишь 34, 5 млрд рублей.

Объем отгруженных товаров по отрасли также показал незначительный рост — на 109,74 млн рублей, или 24,29% за 2017–2020 гг. При этом наибольшие темпы прироста наблюдались в производстве текстильных изделий (на 74,53 млн рублей, или 36,71%), а наименьшие — кожи и изделий из нее (на 5,76 млн рублей, или 7,53%).

Объем инвестиций в основной капитал отрасли имеет неравномерную динамику со склонностью к понижению: за 2017–2020 гг. совокупное снижение инвестиций составило 0,5 млн рублей, или 2,73%.

В отношении показателей *нормы прибыли, рентабельности продаж и рентабельности активов* по отрасли следует отметить, что в целом она выше, чем в среднем по экономике, на порядка 0,3–0,7%; при этом наиболее высокой норма прибыли была в производстве кожи и изделий из кожи, а наиболее низкой — в производстве текстильных изделий (на 0,2%).

Выявленное снижение (либо небольшие темпы прироста) ключевых показателей явились отсроченным следствием распада производственных цепочек на пространствах бывшего СССР; ситуация усугубилась

после открытия границ, вызвавшего массовый приток дешевых импортных товаров, по сравнению с которыми отечественная продукция оказалась неконкурентоспособной.

В стратегических документах федерального уровня на протяжении минувших 30 лет неоднократно представлялись меры поддержки и стимулирования отечественных производителей текстильной продукции. Следует, несомненно, отметить программы: а) импортозамещения в организациях с государственным участием, что в 2016 г. привело к повышению доли тканей российского производства до 40% совокупно представленных на рынке; б) субсидирования процентов по кредитам; в) компенсации платежей по лизингу и пр. Представляется, однако, что эти меры носили точечный характер: ряд товаропроизводителей и поставщиков до сих пор не имеют доступа к программам поддержки, продолжают расти показатели импорта текстильной продукции из Китая и других хлопкопроизводящих стран. Помимо этого фиксируются высокие показатели уровня контрафактной продукции, не развиваются сопутствующие отрасли (например, индустрия моды).

Все это делает интерес отечественного потребителя к продукции отечественных производителей крайне низким. Показатели же экспорта не могут компенсировать недостаточный платежеспособный спрос в РФ в силу невысокого качества и относительной дороговизны (по сравнению с предложениями зарубежных производителей) отечественной продукции.

Показатели инновационного и технологического развития легкой промышленности

Что касается *инновационного развития* и использования имеющегося инновационного потенциала, то следует отметить высокую актуальность и столь же высокую перспективность указанных направлений для отрасли. Несмотря на то что Евростат относит легкую промышленность к низкотехнологичным секторам экономики, высокотехнологичные «умные» ткани и материалы для использования в автомобилестроении, авиастроении, строительстве, медицине, сельском хозяйстве и др. производятся именно на таких предприятиях.

В этой связи следует поддержать тезис А. В. Гаврилюка и А. С. Хворостяной [5] о том, что в условиях интенсивного развития технологий отрасль должна «трансформироваться изнутри», чтобы быть более восприимчивой к организационным изменениям для улучшения бизнес-процессов.

Реализации актуальных инновационных приоритетов должна была способствовать деятельность технологической платформы «Текстильная и легкая промышленность» (начала работу 21.02.2012). Однако в силу ряда негативных факторов (низкой конкретизации задач и, напротив, высокой степени бюрократизации, недостатка финансирования, пассивности государства в установлении задач инновационного развития и пр.) заявленные результаты достигнуты не были. Существующий порядок планирования в отрасли не предполагает установления с последующим контролем приоритетов инновационного развития предприятий; механизм контроля инновационных показателей не реализован; целевые показатели снижения издержек по предприятиям не прописаны. Следует помимо этого отметить достаточно формальную роль современных отделов НИОКР и НИИ, которые в эпоху СССР в плановом порядке занимались разработкой и проектированием новых технологий. В настоящее время значительная часть из них бездействует либо (при наличии) выполняет аналитические, консалтинговые функции и не имеет в качестве стратегической цели разработки и апробации инновационных решений.

Вместо отечественных разработок приоритетом на российском рынке пользуются легко внедряемые и быстроокупаемые технологии, разработанные в других странах (СНГ, Азии). Решения, разработанные ранее в СССР, используются до настоящего времени, однако доля их постоянно снижается в силу неконкурентоспособности по сравнению с зарубежными аналогами. Определенную долю на рынке занимают разработки, реализованные в секторе оборонно-промышленного комплекса, однако в первую очередь они используются в крупных корпорациях, но не на открытом рынке.

На локальном уровне планирование инновационного развития также реализовано далеко не в полной мере. Кроме того, инвестиционная активность невысока в целом (инвестиционный цикл более длителен, а норма прибыли ниже среднеотраслевых значений). В отношении разработчиков инноваций не решен вопрос материального стимулирования, не наработаны механизмы корректного закрепления прав на созданные технические решения. Указанные факторы тем более значимы, что речь идет о низкомонополизированной отрасли с высокой долей теневого сектора.

Далее проведен анализ показателей инновационного развития и ТТ в легкой промышленности на основании показателей статистических форм «1-Инновация», «1-Технология», «1-Лицензия».

По результатам расчетов автора статьи, *доля инновационных товаров, работ и услуг* в 2017–2019 гг. составляла порядка 1,4–2,2%,

что на 3,3% ниже среднеотраслевого показателя по экономике в целом. Вместе с тем, если последний снижался (на 2,3% за три года), то показатель по легкой промышленности остался практически без изменения.

Из-за отсутствия в свободном доступе необходимой информации анализ показателей *инновационной активности* не удалось провести в полной мере. Однако удалось установить, что объем отгруженных инновационных товаров собственного производства в РФ составил более 10 млн рублей, объем инновационных товаров, вновь внедренных или подвергшихся технологическим изменениям, практически вполовину меньше. Доля последнего в общем объеме отгруженных товаров в 2017 г. составила 1,31%, в 2018-м — 0,89%, в 2019-м — 1,07% [6].

Что касается *активности организаций в части разработки передовых производственных технологий (далее — ППТ)*, то их число в 2020 г. было крайне низким (5; в целом по отраслям экономики — 749 организаций). Вместе с тем ни в одной из этих организаций не было проведено патентования инновационных разработок (в целом по РФ порядка 28% организаций в каком-либо виде все же патентуют свои разработки). По сравнению с 2017 г. наблюдался незначительный прирост (на 2 единицы) количества организаций-разработчиков.

Разрабатываемые технологии не носят принципиально новых характеристик; все они являлись лишь новыми для РФ. В восьми организациях разрабатываются передовые методы организации и управления производством, в трех — технологии производства, обработки, транспортировки и сборки, в двух — технологии проектирования и инжиниринга.

Что касается количества *организаций, использующих ППТ,* то оно в 2020 г. в 29 раз превышало количество организаций-разработчиков. По сравнению с 2017 г. их количество снизилось на 247 единиц, или 67,5%. В то же время по всем отраслям экономики РФ снижение составило лишь 4,4%, или 974 организации. Еще более значительным выглядит снижение числа организаций, использующих запатентованные изобретения в ППТ: если по РФ в целом оно составило 11,3%, то по легкой промышленности — 66,7%. Уровень охвата патентами в 2020 г. составил 1,7%, что в 1,5 раза ниже, чем в целом по РФ.

На предприятиях отрасли в 2020 г. разрабатывалось четыре ППТ. Статистика патентования этих технологий отсутствует: показатели либо закрыты с пометкой о конфиденциальности, либо равны нулю.

Количество *используемых ППТ* в 2020 г. было несоизмеримо большим — 2380 единиц. Условное предположение о том, что четыре из них

были разработаны (и учтены в соответствующей графе статистической отчетности), позволяет сделать вывод, что 2376 технологий были приобретены организациями с использованием какого-либо канала ТТ на внешнем рынке (либо выявить факт наличия статистической погрешности). По сравнению с 2017 г. количество используемых ППТ снизилось на 17,6%, в то время как в среднем по отраслям экономики РФ наблюдался рост — 2877 единиц, или 1,2%. Показатель доли ППТ, реализованных с использованием запатентованных изобретений, снизился на 80% (в среднем по отраслям — на 12%).

Информация об *экспорте и импорте технологий* получена автором лишь для 2017–2018 гг. В 2017 г. на одну вывезенную технологию приходилось 12,5 ввезенной, а в 2018 г. — уже 8,2, при этом импорт превышал экспорт в 41 раз. В перечне категорий технологий, вышедших на экспорт, — инжиниринговые услуги, патентные лицензии; импортированы были инжиниринговые услуги, научные исследования и разработки, товарные знаки и ноу-хау.

Немаловажным фактором инновационного развития, как известно, является степень развития инновационной инфраструктуры: кластеров, индустриальных парков, технопарков и пр. На сайте «Геоиндустриальная система. Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры» Минпромторга РФ представлены официальные данные [7], которые позволяют сделать вывод о крайне низком уровне развития отраслевых организаций такого типа.

Так, на территории РФ действует единственный *кластер*, специализирующийся на производстве текстильной продукции: Промышленный кластер специальной экипировки (Башкортостан, год основания — 2018-й). В кластере 10 участников, численность работников предприятий кластера — 998 человек. В 2020 г. объем отгруженных товаров кластера составил 451,25 млн рублей, добавленная стоимость, создаваемая его участниками, — 288,8 млн рублей. Следует отметить такой показатель, как «количество произведенных продуктов/технологий из отраслевых планов по импортозамещению Минпромторга», который равнялся 23 единицам в 2020 г., что по сравнению с уровнем 2018 г. показывает прирост на 17 единиц.

В 2020 г. на территории РФ действовали 39 *отраслевых индустриальных парков*, что составляет 13% от общего количества таких организаций. При этом парки, для которых легкая промышленность была бы единственной отраслью специализации, отсутствуют. Структуры находятся на территориях: Центрального (59%), Приволжского (18%), Северо-Западного (2%), Северо-Кавказского (13%), Северного (8%)

федеральных округов, в Дальневосточном и Уральском федеральных округах индустриальные парки отсутствуют.

Количество *технопарков*, в той или иной степени реализующих технологии легкой промышленности, составило в 2020 г. девять единиц (10% общего количества по РФ); при этом только для одного технопарка легкая промышленность являлась единственной отраслью специализации. Технопарки находятся на территориях: Центрального (54%), Приволжского (23%), Уральского (15%) и Северо-Западного (8%) федеральных округов, в остальных округах РФ структуры не представлены.

Выводы и рекомендации

На основании проведенных расчетов и сопоставлений следует обозначить «узкие места» инновационно-технологического развития легкой промышленности, наличие которых является препятствием развития процессов ТТ:

- относительная неконкурентоспособность продукции отрасли по сравнению с иностранными производителями;
- низкая вовлеченность в реализацию программ государственной поддержки товаропроизводителей и других представителей отрасли;
- рост импорта текстильной продукции из-за рубежа, высокие показатели уровня контрафактной продукции;
- отсутствие государственной поддержки смежных отраслей (например, индустрии моды);
- недостаточный платежеспособный спрос на продукцию отрасли;
- неэффективность управленческих и производственных процессов, использование устаревших технологий и методов производства, распределения и сбыта продукции;
- низкая степень развития инновационной инфраструктуры отрасли.

Ключевыми направлениями развития ТТ могут в этой связи стать: государственная поддержка платежеспособного спроса; реализация масштабных государственных программ, направленных на поддержание экспорта и внутреннего потребления продукции; государственная поддержка создания и функционирования профильных вузов и НИИ, инвестиции в развитие инновационной инфраструктуры, воссоздание «цепочек трансфера» (ВУЗ/НИИ — предприятие), повышение инновационной культуры на предприятиях (планирование и контроль исполнения планов патентования инновационных разработок) и пр.

Список источников

1. Мухамедшин И. С. Коммерциализация объектов в сфере интеллектуальной собственности. — М.: Проспект, 2018. 104 с.
2. Ревинский О. В. Можно ли передавать информацию? URL: http://consumer.stormway.ru/docs.htm (дата обращения: 22.12.2021).
3. История легкой промышленности. URL: http://dc.ria.ru/ips/light_industry/ (дата обращения: 24.09.2021).
4. ОКВЭД 2 2020 — Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. URL: https://ppt.ru/classifier/okved (дата обращения 22.01.2022).
5. Гаврилюк А. В., Хворостяная А. С. Стратегические основы трансфера технологий в легкой промышленности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 6. С. 20–32.
6. Госкомстат РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 27.01.2022).
7. Геоиндустриальная система. Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры. URL: https://gisp.gov.ru/gisip/#!ru/clusters/170/ (дата обращения: 22.01.2022).

References

1. Muhamedshin I. S. (2018). Kommercializaciya ob”ektov v sfere intellektual’noj sobstvennosti. M.: Prospekt. 104 s. (in Russ.).
2. Revinskij O. V. Mozhno li peredavat’ informaciyu? http://consumer.stormway.ru/docs.htm (22.12.2021) (in Russ.).
3. Istoriya legkoj promyshlennosti. http://dc.ria.ru/ips/light_industry/ (24.09.2021) (in Russ.).
4. OKVED 2 2020 — Obshcherossijskij klassifikator vidov ekonomicheskoj deyatel’nosti. https://ppt.ru/classifier/okved (22.01.2022) (in Russ.).
5. Gavrilyuk A. V., Hvorostyanaya, A. S. (2020). Strategicheskie osnovy transfera tekhnologij v legkoj promyshlennosti. *Intellekt. Innovacii. Investicii.* (6). 20–32 (in Russ.).
6. Goskomstat RF. https://rosstat.gov.ru/ (27.01.2022) (in Russ.).
7. Geoindustrial’naya sistema Industrial’nye parki. Tekhnoparki. Klastery. https://gisp.gov.ru/gisip/#!ru/clusters/170/ (22.01.2022) (in Russ.).

Статья поступила 20.01.2021, принята к публикации: 27.01.2022.

© Пятаева О. А., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 16–25. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 16–25. ISSN 2307-2741

Охрана интеллектуальной собственности

Регистрация товарных знаков в Евразийском экономическом союзе: единые механизмы

Научная статья
УДК 347.4

Александр Павлович Заяц
Национальный центр интеллектуальной собственности,
Минск, Республика Беларусь
заместитель генерального директора
a.zayats@ncip.by

Аннотация. *В статье рассматриваются перспективы внедрения механизма регистрации товарных знаков Евразийского экономического союза, дается оценка эффективности предложенной процедуры предоставления правовой охраны товарным знакам. Автором определяются перспективы развития единого механизма регистрации товарных знаков в Евразийском экономическом союзе.*

Ключевые слова: ЕАЭС, единые механизмы, интеллектуальная собственность, региональный режим интеллектуальной собственности, товарный знак ЕАЭС.

Для цитирования: Заяц А. П. Регистрация товарных знаков в Евразийском экономическом союзе: единые механизмы // Копирайт. 2022. №1. С. 16–25.

Registration of trademarks in the Eurasian Economic Union: unified mechanisms

A. P. Zayats
National Center for Intellectual Property,
Minsk, Republic of Belarus
Deputy General Director
a.zayats@ncip.by

Annotation. *The article discusses the prospects for introducing the mechanism for registering trademarks of the Eurasian Economic Union, assesses the effectiveness of the proposed procedure for granting legal protection to trademarks. The author defines the prospects for the development of a unified mechanism for registering trademarks in the Eurasian Economic Union.*

Key words: EAEU, single mechanisms, intellectual property, regional intellectual property regime, EAEU trademark.

For citation: Zayats A. P. Registration of trademarks in the Eurasian Economic Union: common mechanisms // Copyright. 2022. 1. P. 16–25.

3 февраля 2020 г. государства — члены Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация) подписали Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза[1] (далее — Договор о товарных знаках ЕАЭС).

Как отмечается в преамбуле Договора о товарных знаках ЕАЭС, он направлен на обеспечение на территории государств — членов ЕАЭС правовой охраны товарного знака ЕАЭС. По сути, вводится новая категория товарного знака — товарный знак ЕАЭС, который по уровню правовой охраны является региональным товарным знаком.

[1] Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 03.02.2020 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: http://study.garant.ru/#/document/73500759/ (дата обращения: 01.09.2021).

Несмотря на то что каждая из стран ЕАЭС участвует во многих международных соглашениях по вопросам правовой охраны товарных знаков, которые обязывают закреплять в законодательстве отдельные «минимальные» требования[1], вопросы регистрации и использования товарных знаков в каждом из государств-членов регулируются внутренним законодательством. В этой связи с учетом целей и задач учреждения Договора о ЕАЭС[2] актуальным является вопрос о создании возможности регистрации «единого» товарного знака, охрана которому будет предоставляться на территории всех государств — членов ЕАЭС.

Впервые необходимость создания межгосударственного механизма правовой охраны товарных знаков была обозначена в подписанном 9 декабря 2010 г. Соглашении о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, которое вступило в силу 1 января 2012 г. (далее — Соглашение о единых принципах)[3].

В соответствии со ст. 14 Соглашения о единых принципах стороны обязались до даты вступления в силу названного соглашения (т.е. до 1 января 2012 г.) разработать и ввести в действие единые процедуры, необходимые для обеспечения правовой охраны товарных знаков на территории своих государств, и зафиксировать их в отдельном договоре.

Разработка соответствующего международного договора осуществлялась в рамках реализации решения Совета Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК) от 14.05.2012 № 29[4], а первый проект договора был одобрен решением Совета ЕЭК от 16.05.2013 № 30[5].

---

1 Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883, Сингапурский договор о законах по товарным знакам от 27.03.2006, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.

2 Как правило, одной из ключевых целей учреждения межгосударственных экономических объединений либо создания международных организаций региональной экономической интеграции является обеспечение единого рынка товаров. Такая цель закреплена и в Договоре о ЕАЭС.

3 Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 09.12.2010 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: http://study.garant.ru/#/document/12184873/ (дата обращения: 01.09.2021).

4 Решение Совета ЕЭК от 14.05.2012 № 29 «О Календарном плане разработки документов в целях реализации Соглашений, формирующих Единое экономическое пространство».

5 Решение Совета ЕЭК от 16.05.2013 № 30 «О проекте Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров на территориях государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства».

На момент заключения Соглашения о единых принципах в нем участвовало три страны (Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация). В последующем с учреждением Договора о ЕАЭС к работе над проектом Договора о товарных знаках ЕАЭС присоединились еще два государства (Республика Армения и Кыргызская Республика).

В целом, характеризуя работу над проектом Договора о товарных знаках ЕАЭС, необходимо отметить, что в силу различных причин она не была проведена в короткие сроки, несмотря на имевшие место обоснованные ожидания заинтересованных субъектов хозяйствования. К слову, в Республике Беларусь за указанный период дважды проводились внутригосударственные процедуры, необходимые для подписания договора[1].

Как уже было отмечено, работа над Договором о товарных знаках ЕАЭС была завершена 3 февраля 2020 г. его подписанием, спустя почти десять лет после того, как государства — члены Единого экономического пространства и Таможенного союза определили потребность в учреждении указанного механизма.

Как правило, в существующих публикациях авторы приводят различные характеристики Договора о товарных знаках ЕАЭС, основные из которых сводятся к следующему. Договор о товарных знаках ЕАЭС:

- предусматривает введение понятия «товарный знак ЕАЭС»;
- определяет порядок регистрации товарных знаков ЕАЭС;
- устанавливает порядок ведения единого реестра товарных знаков ЕАЭС.

Основными отличиями Договора о товарных знаках ЕАЭС от существующих национальных процедур регистрации товарного знака в государствах — членах ЕАЭС являются:

- одновременное предоставление правовой охраны товарным знакам на территориях всех государств — членов ЕАЭС;
- подача единой заявки в любое из патентных ведомств государств — членов ЕАЭС и выдача единого охранного документа;
- взаимодействие заявителя только с одним патентным ведомством (принцип «одного окна»).

Отдельные исследователи в своих работах детально рассматривают предложенную Договором о товарных знаках ЕАЭС процедуру регист-

[1] Указ Президента Республики Беларусь от 21.10.2013 № 479 «О проведении переговоров по проекту международного договора и его подписании»; Указ Президента Республики Беларусь от 09.01.2017 № 5 «О проекте международного договора».

рации товарного знака, в связи с чем в настоящей статье рассмотрены лишь вопросы, которые, по мнению автора, могут представлять определенные проблемы либо недостатки на этапе реализации названного договора.

1. Объект охраны

В соответствии с Договором о товарных знаках ЕАЭС товарный знак ЕАЭС — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров, работ и (или) услуг и охраняемое одновременно на территориях всех государств — членов ЕАЭС.

Несмотря на то что в Договоре о товарных знаках ЕАЭС не содержится исчерпывающий перечень обозначений, которые могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков, на регистрацию могут быть поданы только обозначения, которые представлены в графическом виде.

Вместе с тем ввиду стремительного развития технологий вопрос регистрации нетрадиционных обозначений приобретает все большую актуальность. Для сравнения, возможность регистрации нетрадиционных товарных знаков предусмотрена в отношении товарного знака Европейского союза[1]. По мнению автора, целесообразно в случае корректировки Договора о товарных знаках ЕАЭС предусмотреть возможность регистрации в качестве товарных знаков ЕАЭС и нетрадиционных обозначений.

2. Обстоятельства, исключающие регистрацию товарного знака ЕАЭС

Договором о товарных знаках ЕАЭС установлен широкий перечень обстоятельств, при наличии которых регистрация товарных знаков ЕАЭС не допускается. Данный перечень нуждается в доработке и детальной регламентации отдельных пунктов.

В частности, необходимо четкое разъяснение порядка применения такого основания для отказа в регистрации товарного знака ЕАЭС, как «противоречие общественным интересам, публичному порядку, принципам гуманности и морали».

Нерешенным остается вопрос о порядке определения известности произведения науки (литературы, искусства), персонажа, цитаты, произведения искусства, его фрагмента, также используемого при формулировании одного из оснований для отказа в регистрации товарного знака ЕАЭС.

---

[1] См.: п. 10 Преамбулы Регламента Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/1001/(ЕС) от 14.06.2017 о товарном знаке Европейского союза.

Аналогично требует детализации вопрос о порядке отнесения тех или иных объектов к объектам культурного наследия народов любого из государств – членов ЕАЭС либо к объектам всемирного культурного, а тем более природного, наследия.

Также одним из оснований для отказа в регистрации товарного знака ЕАЭС является включение в него без наличия соответствующего разрешения компетентного органа наименования международной межправительственной организации, а также ее флага, герба и другого символа. Представляется, что с учетом территории использования товарного знака ЕАЭС целесообразным является определение порядка использования в нем обозначений «ЕАЭС» и «Евразийский экономический союз». В настоящее время порядок получения такого права Договором о товарных знаках ЕАЭС не определен.

К слову, компетенцией на регламентацию указанных выше вопросов может быть наделен один из органов ЕАЭС, что позволит в том числе создать более широкую нормативную базу регионального регулирования интеллектуальной собственности.

Отнесение же указанных вопросов на национальный уровень может повлечь создание разнородной практики принятия решений в государствах — членах ЕАЭС.

3. Процедура регистрации товарного знака ЕАЭС

Анализ норм Договора о товарных знаках ЕАЭС позволяет сделать вывод, что, при отсутствии каких-либо возражений и если экспертиза не обнаружит связанных с конкретным обозначением оснований для отказа, в случае своевременного совершения процедурных действий заявителем для регистрации товарного знака ЕАЭС понадобится около 10 месяцев. Этот срок является вполне приемлемым с учетом сроков рассмотрения соответствующих заявок по национальной процедуре в государствах — членах ЕАЭС.

При этом сама процедура, по мнению отдельных исследователей, является усложненной за счет отсутствия единого ведомства.

Несмотря на ранее озвученный тезис о функционировании Договора о товарных знаках ЕАЭС по принципу «одного окна», заявитель все же не лишен необходимости взаимодействовать с иными ведомствами в случае наличия отрицательных последствий в отношении его заявки, выявленных соответствующим ведомством.

Как отмечает В. Глонина, «трудности могут возникнуть с перепиской между регистрирующими органами. Запутанная система контактов между ведомствами разных стран дает повод поддержать мнение, высказанное Ф. М. Колеровым: гораздо проще будет поручить всю юриди-

чески значимую работу (регистрация, экспертиза и т.д.) одному органу. К тому же общение с одним адресатом было бы куда удобней заявителю и тем самым повысило бы привлекательность всей системы» [1].

Вместе с тем ответить на вопрос, является ли отсутствие единого ведомства недостатком предложенной системы или же, наоборот, ее преимуществом, можно будет только после определенного периода функционирования Договора о товарных знаках ЕАЭС.

Кроме того, еще одной особенностью процедуры, предусмотренной Договором о товарных знаках ЕАЭС, является проблема отказа в регистрации в одном из государств — членов ЕАЭС. В подобной ситуации для регистрации данного обозначения в остальных государствах-членах заявителю необходимо подать соответствующее ходатайство в ведомство подачи. В то же время при международной регистрации, предусмотренной Мадридской системой[1], правовая охрана будет предоставлена на территории всех заявленных государств, за исключением того, в котором был получен отказ в регистрации.

Обращает на себя внимание и обязанность государств — членов ЕАЭС на национальном уровне нормативно «дублировать» виды юридически значимых действий, необходимых для регистрации товарных знаков ЕАЭС, а также соответствующие размеры пошлин (ст. 25 Договора о товарных знаках ЕАЭС).

Кроме того, ст. 6 Договора о товарных знаках ЕАЭС установлено правило о запросе ведомством подачи у национальных ведомств документов с указанием сумм пошлины за проведение экспертизы заявленного обозначения и платежных реквизитов для уплаты указанной пошлины. Это значит, что пошлины за экспертизу, по существу, будут уплачиваться в каждое из ведомств государств-членов. Безусловно, такой подход гарантирует прозрачное распределение между государствами-членами пошлин, уплаченных по каждой заявке. Вместе с тем это усложняет процедуру для заявителя, создает риск ошибочной уплаты либо уплаты в неустановленном порядке соответствующей пошлины.

Говоря о ставках патентных пошлин, однозначно можно констатировать, что процедура регистрации товарного знака ЕАЭС будет более востребована в соотношении с иными процедурами в случае финансового стимулирования ее использования.

Как справедливо отмечает В. В. Рачковский, «распространить охрану товарного знака на территорию ЕАЭС можно по более экономич-

[1] URL: https://www.wipo.int/madrid/ru/legal_texts/protocol/madrid_protocol.htm.

ной, нежели совокупность национальных процедур, международной процедуре, регулируемой Мадридским соглашением о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. и Протоколом к нему от 28 июня 1989 г.» [2].

Вывод о перспективности процедуры регистрации товарного знака ЕАЭС делает и Н. В. Синишова, по мнению которой, «безусловное преимущество — уменьшение стоимости товарного знака ЕАЭС по сравнению с суммарной стоимостью процедур регистрации в каждом национальном патентном ведомстве. Приблизительные подсчеты показывают конкурентоспособность стоимости процедуры регистрации товарного знака ЕАЭС по сравнению с Мадридской процедурой регистрации товарных знаков» [3].

К слову, сегодня для получения правовой охраны на территории всех государств — членов ЕАЭС черно-белого обозначения заявителю, к примеру, из Турции в отношении одного класса МКТУ, воспользовавшись Мадридской системой, придется уплатить 1980 швейцарских франков [4]. Таким образом, совокупность уплаченных патентных пошлин для регистрации товарного знака ЕАЭС должна быть сопоставимой с уже существующими ставками.

4. Общеизвестность товарного знака ЕАЭС

В текущей редакции Договора о товарных знаках ЕАЭС отсутствуют нормы, предусматривающие возможность признания обозначения либо товарного знака ЕАЭС общеизвестным в пределах ЕАЭС.

Учитывая значимость института общеизвестности товарного знака для масштабирования бизнеса, видится целесообразным предусмотреть возможность получения заинтересованными в отношении товарного знака статуса общеизвестного в рамках ЕАЭС.

5. Действие Договора о товарных знаках ЕАЭС в случае присоединения новых государств к Договору о ЕАЭС

Договором о товарных знаках ЕАЭС не определен порядок применения отдельных положений названного договора в случае присоединения новых государств к Договору о ЕАЭС[1].

Суть проблемы заключается в том, что, согласно определению, товарный знак ЕАЭС охраняется одновременно на территории всех государств — членов ЕАЭС. В то же время Договор о товарных знаках ЕАЭС не содержит переходных положений, регламентирующих

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: http://study.garant.ru/#/document/70670880/ (дата обращения: 01.09.2021).

порядок распространения правовой охраны товарных знаков ЕАЭС на территории присоединяющихся государств[1].

Для решения указанной проблемы может быть воспринят опыт Европейского союза, когда правовая охрана товарного знака распространяется автоматически на территорию вновь присоединяющихся государств.

Приведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости в будущем доработки Договора о товарных знаках ЕАЭС для устранения обозначенных проблем.

В первую очередь должны быть рассмотрены вопросы об установлении возможности регистрации в качестве товарных знаков ЕАЭС нетрадиционных обозначений, о доработке и детальной регламентации отдельных пунктов перечня обстоятельств, при наличии которых регистрация товарных знаков ЕАЭС не допускается, совершенствовании процедуры регистрации товарного знака ЕАЭС. Также видится целесообразным предусмотреть возможность получения заинтересованными в отношении товарного знака статуса общеизвестного в рамка ЕАЭС и регламентировать порядок действия Договора о товарных знаках ЕАЭС в случае присоединения новых государств к Договору о ЕАЭС.

Вместе с тем изменения в Договор о товарных знаках ЕАЭС должны вноситься исключительно по итогам анализа правоприменительной практики заложенных в нем норм.

При этом разработчикам необходимо отдавать себе отчет, что, какой бы ни была сложной или простой процедура, предусмотренная Договором о товарных знаках ЕАЭС, с точки зрения бизнеса только два критерия повлияют на востребованность данного механизма: это экономия временных и денежных ресурсов.

В то же время создание максимально доступного инструмента для получения правовой охраны на объект интеллектуальной собственности одновременно на территории всех государств, объединенных единым рынком, коим, безусловно, является Договор о товарных знаках ЕАЭС, способствует упрощению продвижения товаров, увеличению товарооборота между странами, и, как следствие, достижению цели учреждения экономического союза нескольких стран.

Кроме того, получение одновременно правовой охраны на территории всех государств — участников экономического объединения позволяет контролировать рынок сбыта продукции и тем самым обе-

[1] Статья 210 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/1001/(ЕС) от 14.06.2017 о товарном знаке Европейского союза.

спечивать качество товара. Также это дает возможность устранить риск получения правовой охраны на объект интеллектуальной собственности недобросовестным конкурентом [5].

Список источников

1. Глонина В., Семенова А. Товарный знак в ЕАЭС: перспективы и значимость для рынка // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 3. С. 57–64.
2. Рачковский В. В. Товарные знаки в ЕАЭС: актуальное состояние вопроса // Промышленно-торговое право. 2017. № 3. С. 80–83.
3. Синишова Н. В., Заяц А. П. Быть ли параллельному импорту и Единому товарному знаку ЕАЭС? // Промышленно-торговое право. 2017. № 11. С. 14–16.
4. Madrid Fee Calculator [Электронный ресурс]. Всемирная организация интеллектуальной собственности [сайт]. URL: https://madrid.wipo.int/feecalcapp/ (дата обращения: 01.09.2021).
5. Заяц А. П. Интеллектуальная собственность как индикатор степени региональной интеграции на примере СНГ и ЕАЭС // Копирайт. 2021. № 1. С. 86–95.

References

1. Glonina V., Semenova A. (2018) Tovarnyj znak v EAES: perspektivy i znachimost' dlya rynka. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'.* (3). 57–64 (in Russ.).
2. Rachkovskij V. V. (2017) Tovarnye znaki v EAES: aktual'noe sostoyanie voprosa. *Promyshlenno-torgovoe pravo.* (3). 80–83 (in Russ.).
3. Sinishova N. V., Zayac, A. P. (2017) Byt' li parallel'nomu importu i Edinomu tovarnomu znaku EAES? *Promyshlenno-torgovoe pravo.* (11). 14–16 (in Russ.).
4. Madrid Fee Calculator [online]. https://madrid.wipo.int/feecalcapp Madrid (01.09.2021).
5. Zayac A. P. (2021) Intellektual'naya sobstvennost' kak indikator stepeni regional'noj integracii na primere SNG i EAES. *Kopirajt* (1). 86–95 (in Russ.).

Статья поступила 02.02.2022, принята к публикации: 07.02.2022.

© Заяц А. П., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 26–40. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 26–40. ISSN 2307-2741

Авторское право

Опыт Всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров

Научная статья
УДК 347.77

Антон Геннадьевич Серго[1] ✉,
Екатерина Игоревна Романенкова[2]

[1, 2] Москва, Россия

[1] Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
mail@internet-law.ru
доктор юридических наук, профессор
ORCID 0000-0002-9685-9607

[2] «КонсультантПлюс»
кандидат юридических наук
ORCID 0000-0002-4248-3157

Аннотация. *Последнее время доменным именам уделяется все больше внимания в научных работах и судебной практике. Очевидная недостаточность правового регулирования этого объекта вынуждает обращаться к иностранному опыту, фрагментарно заимствуя его в теории и судебной практике. Однако такой подход не дает видения целостной картины международных систем урегулирования доменных споров, большая часть которых успешно работает вот уже более 20 лет без какого-либо государственного участия.*

Ключевые слова: доменные имена, домены, товарные знаки, судебная практика, Высший арбитражный суд РФ, Суд по интеллектуальным правам, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Парижская конвенция по охране промышленной собственности, Единая политика разрешения доменных споров, UDRP.

Для цитирования: Серго А. Г., Романенкова Е. И. Опыт Всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров // Копирайт. 2022. № 1. С. 26–40.

Финансирование: Работа выполнена в рамках НИР 4-ГЗ-2021 «Проблемы регулирования споров в сфере интеллектуальной собственности на примере доменных имен»

Experience of the World Intellectual Property Organization in Domain Dispute Resolution

A. G. Sergo ✉[1], E. I. Romanenkova[2]

[1,2] Moscow, Russia

[1] Russian State Academy of Intellectual Property,
mail@internet-law.ru
Doctor of Law, Professor
ORCID 0000-0002-9685-9607

[2] ConsultantPlus
PhD in Law
ORCID 0000-0002-4248-3157

Abstract. *Recently in scientific works and judicial practice more and more attention has been paid to domain names. The obvious scarcity of legal regulation of this object forces us to refer to foreign experience, fragmentally borrowing it in theory and judicial practice. However, this approach does not provide a complete picture of the international domain dispute resolution systems, most of which have been successfully operating for more than 20 years without any government involvement.*

Key words: domain names, domains, trademarks, judicial practice, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Intellectual Property Court, World Intellectual Property Organization, Paris Convention for the Protection of Industrial Property, Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy, UDRP.

For citation: Sergo A. G., Romanenkova E. I. Experience of the World Intellectual Property Organization in Domain Dispute Resolution // Copyright. 2022. No. 1. P. 26–40.

Современные темпы развития информационных технологий таковы, что правовая система ни одной страны мира объективно не успевает за их адекватным регулированием. Как следствие, интернет-сообщество ищет свои, столь же надежные и эффективные, но быстрые и современные системы справедливого разрешения конфликтов, которые возникают между правообладателями различных классических средств индивидуализации (обычно товарных знаков) и доменных имен.

Способность доменных имен легко индивидуализировать любой информационный ресурс в киберпространстве высоко ценится специалистами самых разных областей. Их число в мире (более 320 млн) и в нашей стране (5 млн) многократно превышает количество любых других средств индивидуализации, однако доменное имя как объект права по сей день остается недостаточно определенным в российском законодательстве. Несмотря на это, домены давно продаются и покупаются, за них ведутся финансово затратные судебные баталии.

Русскоязычному читателю хорошо знакомы судебные процессы по рассмотрению таких споров. Однако в зарубежной практике востребованы внесудебные средства рассмотрения таких дел [1]. Они применяются в доменной сфере не только при рассмотрении претензий правообладателей традиционных средств индивидуализации к владельцам доменов, но и в спорах между регистраторами доменных имен при передаче домена между ними по заявлениям третьих лиц, если регистрация домена не отвечает требованиям доменной зоны, по требованиям о приостановке регистрации доменных имен в новых доменных зонах и т.п.

Необходимость разработки альтернативных систем рассмотрения споров обусловлена противоречивостью судебной практики [2] и поиском возможности рассмотрения доменных споров в рамках быстрой, не очень дорогой и эффективной процедуры, учитывая, что нередко такие споры носили экстерриториальный характер. Последнее проще пояснить на примере. Так, одна из крупнейших отечественных строительных компаний столкнулась с ситуацией, когда сходный с ее наименованием домен в иностранной зоне был зарегистрирован через австралийского регистратора на жительницу Великобритании, а наполнение сайта происходило на территории Подмосковья. При таких обстоятельствах обращаться в суд в России или Великобритании было неэффективно, поскольку исполнение решения нужно было обеспечить от регистратора домена. При этом основания подавать иск против регистратора (в Австралии) отсутствовали, поскольку он сам чьих-либо прав не нарушал.

Такая ситуация, когда регистрация домена осуществляется в «международной» или иностранной зоне (поскольку страна происхождения регистратора обычно не имеет значения для пользователя, в отличие от цены), является типичной. Конечно, обращение к традиционной системе правосудия при этом вполне возможно, но не каждому под силу понести те затраты по времени и финансам, которые требуются для ее решения.

Самая известная (но не единственная) внесудебная система рассмотрения доменных споров [3] состоит из двух элементов: Единой политики разрешения споров о доменных именах[1] (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (далее — UDRP)) и правил к ней (Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy), являющихся обязательной и неотъемлемой частью договоров регистраторов с администраторами доменных имен в более чем 2000 доменных зон, включая не только такие, как .COM, .NET, .ORG, но и .РУС, .МОСКВА, .САЙТ и многие другие.

Эта система рассмотрения доменных споров была одобрена Интернет-корпорацией по присвоению названий и номеров (ICANN) 26 августа 1999 г. на совещании в Сантьяго. На сегодняшний день ICANN уполномочила следующие организации (арбитражные[2] центры) рассматривать подобные споры:

- Арбитражный и медиационный центр Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization Arbitration and Mediation Center, далее — Арбитражный центр ВОИС) — с 1 декабря 1999 г.;
- Национальный арбитражный форум, расположенный в американском штате Миннесота (National Arbitration Forum) — с 23 декабря 1999 г.;
- Азиатский центр по разрешению доменных споров (Asian Domain Name Dispute Resolution Center) — с 3 декабря 2001 г.;
- Арбитражный центр для интернет-споров Чешского арбитражного суда (Czech Arbitration Court) — с 23 января 2008 г.;

[1] Для этого документа также используются наименования: «Единообразная политика по разрешению споров в связи с доменными именами» (Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров») и «Единая политика по урегулированию споров в области доменных имен (ЕПУС)» (Всемирная организация интеллектуальной собственности, WIPO).

[2] В англоязычной литературе под «арбитражем» понимается рассмотрение спора негосударственными арбитрами с вынесением обязательного для сторон решения, т.е. аналог третейского суда в русскоязычной литературе.

– Арабский центр по разрешению доменных споров (Arab Center for Dispute Resolution) — с 18 мая 2014 г.;
– Канадский международный центр рассмотрения споров (Canadian International Internet Dispute Resolution Centre) — с 9 мая 2018 г.

Как известно, разрабатывая UDRP, ВОИС ввела специальную юридическую конструкцию — «недобросовестная регистрация» — для квалификации действий администратора домена. Недобросовестная регистрация осуждается ВОИС. По ее мнению, с такой деятельностью нужно бороться. При наличии признаков недобросовестной регистрации владелец товарного знака может при помощи процедуры UDRP отобрать или аннулировать домен, обратившись в специализированную уполномоченную организацию, подобную третейскому суду.

В рамках UDRP эксперты ВОИС отошли от терминов «киберсквоттинг» и «киберсквоттер». Поскольку в эти термины вкладываются различные значения (многочисленная регистрация доменных имен; регистрация домена, совпадающая с чужим фирменным наименованием или товарным знаком; спекулятивная перепродажа домена или доменов и др.), то эксперты ВОИС решили использовать новый термин — «недобросовестная регистрация доменного имени», вложив в него следующее значение: «Регистрация доменного имени должна рассматриваться как недобросовестная при наличии трех следующих условий:

– доменное имя тождественно или сходно с товарным знаком или знаком обслуживания, на которые заявитель имеет права;
– владелец доменного имени не имеет никаких прав или законных интересов в отношении доменного имени;
– доменное имя было зарегистрировано и используется недобросовестно» [4].

Смысл, который вкладывается в каждое из этих условий, подробно описан в научной литературе [5]. В отечественную судебную практику эти принципы были внесены в 2011 г. Высшим арбитражным судом РФ (далее — ВАС РФ) в деле № А40-47499/2010 и Судом по интеллектуальным правам (далее — СИП) (Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров»).

В отличие от российской трактовки принципов UDRP, ориентированной на избыточную защиту прав правообладателей товарных

знаков, наличие столь специфических условий в процедуре UDRP было обусловлено необходимостью защиты невиновных и законопослушных владельцев доменов. Регистрация доменного имени, которая оправдана законными правами свободы слова или законными некоммерческими соображениями, не может рассматриваться как недобросовестная. Споры о добросовестности между конкурирующими правообладателями или о других конкурирующих законных интересах не рассматриваются в рамках данной процедуры.

Сегодня процедура UDRP позволяет рассматривать доменные споры как в доменных зонах общего пользования, количество которых превышает две тысячи (COM, NET, ORG, BIZ, INFO, AERO, ASIA, CAT, COOP, EDU, MOBI, MUSEUM, NAME, PRO, TEL, TRAVEL, XXX и др.), так и в национальных доменах.

В неизменном виде UDRP применяется для таких государственных доменов, как .AG — Антигуа и Барбуда, .AI — Ангилья, .AS — Американское Самоа, .BM — Бермудские Острова, .BS — Багамские Острова, .BZ — Белиз, .CC — Кокосовые острова, .CD — Конго, .CO — Колумбия, .CY — Кипр, .DJ — Джибути, .ED — Эквадор, .FJ — Фиджи, .FM — Микронезия, .GD — Гренада, .GT — Гватемала, .KI — Кирибати, .LA — Лаос, .LC — Сент-Люсия, .MD — Молдова, .ME — Черногория, .MW — Малави, .NR — Науру, .NU — Ниуэ, .PA — Панама, .PK — Пакистан, .PN — Острова Питкэрн, .PR — Пуэрто-Рико, .PW — Палау, .RO — Румыния, .SC — Сейшельские Острова, .SL — Сьерра-Леоне, .SO — Сомали, .TJ — Таджикистан, .TT — Тринидад и Тобаго, .TV — Тувалу, .UG — Уганда, .VE — Венесуэла, .VG — Виргинские Острова, .WS — Самоа. По процедурам, незначительно модифицированным относительно UDRP, рассматриваются доменные споры в более 30 государственных доменных зонах.

Используемая ВОИС Единая политика разрешения споров о доменных именах давно и успешно функционирует для всех доменов общего пользования и ряда национальных доменов. Сотни новых доменных зон, появившихся в 2013–2016 гг. (в том числе .РУС, .MOSCOW, .МОСКВА, .ОРГ, .ОНЛАЙН, .САЙТ, .КОМ, .ДЕТИ), также попадают в сферу действия этой международной системы рассмотрения доменных споров.

К началу 2021 г. Арбитражный центр ВОИС рассмотрел более 50 000 споров, в которых фигурировали почти 100 000 доменов. Подавляющее большинство споров приходится на самый популярный домен — .COM. По итогам рассмотрения дел примерно в 80% случаев домены передаются заявителям.

По данным Арбитражного центра ВОИС, в спорах по поводу доменов в зонах общего пользования принимали участие резиденты более 180 стран. Если заявителями по спорам наши соотечественники были 127 раз (причем 51 жалоба подана в 2017 г.), то ответчиками — 907 раз, как следствие, — 14-е место в общем рейтинге стран-киберсквоттеров.

В последнее время российские правообладатели проявляют немалый интерес к подобным системам рассмотрения споров не только потому, что возрастает необходимость в использовании международных доменных зон, но и в связи с тем, что условно «отечественные» доменные зоны типа .РУС, .МОСКВА, .ДЕТИ также подпадают под эту систему.

Открыла счет российских споров по новым зонам компания «Навител», обратившись в 2015 г. в Арбитражный центр ВОИС за рассмотрением ее притязаний на доменные имена NAVITEL.MOSCOW и НАВИТЕЛ.МОСКВА, зарегистрированные российским киберсквоттером в декабре 2014 г. Выбор в пользу этой, а не национальной, системы правосудия был обусловлен необходимостью быстрого и компетентного решения без возможности затягивания его вынесения в российском суде.

Опубликованные обзоры [6] участия наших соотечественников в решении международных доменных споров показывают, что процедура рассмотрения споров UDRP подтвердила свое удобство и универсальность и для российских правообладателей в доменных зонах общего пользования. Также необходимо признать, что данная уникальная процедура имеет ряд принципиальных достоинств, выгодно отличающих ее от других путей разрешения доменных споров, а также национального правосудия.

Как уже указывалось, российская судебная практика периодически обращается к основным принципам UDRP, но долгое время делала это однобоко — акцентируя внимание на признаках недобросовестности администратора домена, упуская из виду признаки его добросовестности, и такой односторонний подход в корне противоречит сути UDRP.

На пути применения UDRP в России крайне интересной представляется позиция, изложенная в Постановлении Президиума ВАС РФ по домену mumm.ru (Постановление Президиума ВАС РФ от 18.05.2011 № 18012/10 по делу № А40-47499/10-27-380). В указанном деле французская компания G. H. Mumm & Cie, правообладатель товарного знака «MUMM», обратилась с иском к российскому предпринимателю,

который зарегистрировал и длительное время не использовал доменное имя mumm.ru, а перед судом разместил на нем небольшой сайт о египетских мумиях.

Со ссылкой на дело denso.com (Постановление ВАС РФ от 11.11.2008 по делу № 5560/08) Президиум ВАС РФ указал, что, оценивая действия администратора домена на предмет наличия или отсутствия в его действиях акта недобросовестной конкуренции, запрещенной ст. 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности (далее — Парижская конвенция), суд проверяет его на соответствие/несоответсвие в совокупности трем критериям:

– доменное имя идентично или сходно до степени смешения с товарным знаком третьего лица;
– у владельца доменного имени нет каких-либо законных прав и интересов в отношении доменного имени;
– доменное имя зарегистрировано и используется недобросовестно.

Проанализировав указанные обстоятельства, ВАС РФ пришел к выводу, что действия ответчика по использованию в доменном имени mumm.ru товарного знака «MUMM» подлежат квалификации в качестве акта недобросовестной конкуренции, создают препятствия компании для размещения информации о ней и ее товарах с использованием данного товарного знака в названном домене российской зоны сети Интернет и нарушают исключительное право истца, предусмотренное пп. 5 п. 2 ст. 1484 ГК РФ на использование товарного знака в сети Интернет, в том числе в доменном имени.

Таким образом, ВАС РФ принял сам и рекомендовал другим судам учитывать положения UDRP как критерии нарушения ст. 10-bis Парижской конвенции. Такой подход соответствует общемировым тенденциям, выявленным ранее. Анализируя деятельность владельца домена, суд указал, что у него не было каких-либо законных прав и интересов в отношении доменного имени, так как он не являлся владельцем одноименного товарного знака и доменное имя не отражает его имени или фирменного наименования его компании. Также ответчик не представил доказательств наличия других законных интересов в использовании спорного обозначения. То есть суд оценил правомерность владения доменом через призму UDRP.

Следующим достижением на пути интеграции положений UDRP является Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров», где в п. 3 ука-

зано: «По спорам о доменных именах, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками, при рассмотрении вопросов о недобросовестности лица, участвующего в деле, суд в соответствии с пунктом 1 статьи 5, пунктами 1 и 2 статьи 10 ГК РФ, параграфами 2 и 3 статьи 10-bis Парижской конвенции для установления содержания честных обычаев при регистрации и использовании (администрировании, делегировании и других действиях) доменных имен может использовать положения, сформулированные в Единообразной политике по разрешению споров в связи с доменными именами, одобренной Интернет-корпорацией по присвоению названий и номеров (ICANN), в том числе в ее параграфах 4(a), 4(b) и 4(c).

При этом следует учитывать, что обладатель права на доменное имя в качестве возражений против доводов о его недобросовестности вправе указывать в том числе на наличие его законного интереса в соответствующем доменном имени» (Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров»).

Крайне положительно в Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам воспринимается наличие не только оснований недобросовестности регистрации доменного имени, но и доказательств добросовестности такой регистрации, что высшие суды ранее упускали в своих актах, а нижестоящие суды односторонне воспринимали положения UDRP.

После двух указанных выше решений (от 11.11.2008 № 5560/08 и от 18.05.2011 № 18012/10) Президиума ВАС РФ нормы UDRP стали применяться более массово в практике высших судов. Сначала это сделал СИП в авторском деле № А40-111177/2012 (домен nike.ru), а с 2012 г. более 40 Постановлений СИП по доменным спорам были приняты с учетом подхода UDRP.

Очевидно, что сама правовая природа UDRP чужда российской правовой системе и простое «присоединение» к ней не представляется возможным на текущем этапе развития российского законодательства, но вероятно, сейчас это и не нужно. В то же время фрагментарное заимствование положений UDRP не переносит целостность самой концепции, положенной в ее основу, а кроме того, существует еще немало аналогичных универсальных систем, разработанных в целью оперативного досудебного или внесудебного урегулирования споров, связанных со столкновением интересов правообладателя товарного знака и доменного имени.

По процедурам, незначительно модифицированным относительно UDRP, рассматриваются доменные споры в таких государственных доменных зонах, как: .AC — Остров Вознесения, .AE — Объединенные Арабские Эмираты, .AO — Ангола (для поддоменов CO.AO и IT.AO), .AU — Австралия, .BO — Боливия (Боливия), .BR — Бразилия, .CH — Швейцария, .CN — Китай, .CR — Коста-Рика, .DO — Доминиканская Республика, .ES — Испания, .EU — Европейский союз, .FR — Франция, .GE — Грузия, .HN — Гондурас, .IE — Ирландия, .IO — Британская территория в Индийском океане, .IR — Иран, .LI — Лихтенштейн, .MA — Марокко, .MO — Макао, .MX — Мексика, .NL — Нидерланды, .PE — Перу, .PH — Филиппины, .PL — Польша, .PM — Сен-Пьер и Микелон, .PY — Парагвай, .QA и قطر. — Катар, .RE — Остров Реюньон, .SE — Швеция, .SH — остров Святой Елены, .TF — Французские Южные территории, .TM — Туркменистан, .TZ — Танзания, .UA — Украина, .WF — Острова Уоллис и Футуна, .YT — Майотта.

Причины, по которым страны пошли «своим путем» в модификации UDRP, различны. И если часть отличий достаточно банальна (например, использование национального языка рассмотрения спора, а не языка регистрационного соглашения (языка ответчика), то другие отличия более интересны. Например, для подавляющего большинства этих систем достаточно недобросовестной регистрации или использования домена (.AC, .AE и .AO, .AU, .BO, .BR, .CN, .CR, .DO, .ES, .EU, .GE, .HN, .IE, .IO, .IR, .MA, MX, NL, .PE, .PL, .PY, .QA и قطر., .SE, .SH, .TM, .TZ, .UA), что также предлагалось для российского аналога таких правил [7; 8].

Большинство стран распространили свой аналог UDRP не только на защиту товарных знаков, но и на ряд других средств индивидуализации, что также предлагалось и для нашей страны.

Для некоторых зон характерен расширенный перечень признаков недобросовестности, куда помимо традиционных для UDRP признаков включаются и иные (.AU, .CN, .EU, .IE). Обычно они сводятся к признакам деятельности администратора домена как киберсквоттера или длительному неиспользованию домена.

Почти для всех доменных зон рабочим языком считается либо язык регистрационного соглашения, либо английский (.AC, .GE, .IE, .IO, .IR, .NL, .PH, .PL, .QA и قطر., .SE, .SH, .UA), а следующий по популярности — испанский (.BO, .CR, .DO, .ES, .MX, .PE, .PY), в некоторых зонах используется французский (.MO, .FR, .PM, .RE, .WF, .YT).

Правила большинства стран допускают коллегиальное рассмотрение спора, за некоторым исключением (.ES, .MO, .NL, .FR, .PM, .RE,

.TF, .WF, .YT); аналогично только в некоторых из этих зон (.FR, .PM, .RE, .WF, .YT) в рамках одной жалобы может быть рассмотрен только один домен.

Большинство стран в своих правилах увеличили сроки, установленные UDRP, для процессуального удобства, а именно:

– срок предоставления отзыва — .EU (30 рабочих дней), .IE (20 рабочих дней);
– срок рассмотрения дела — .EU (30 дней);
– срок исполнения решения — .BR (15 дней), .EU (30 дней), .IE (21 день), .MO (30 рабочих дней), .PE (10 дней), .PH (30 рабочих дней), .QA и قطر. (30 рабочих дней), .SE (14 дней).

Ряд стран сделали временную оговорку о применимости своих правил. Например, для бразильской зоны (.BR) правила применяются к доменам, зарегистрированным после 1 октября 2010 г., а в китайских зонах — только к доменам, зарегистрированным не ранее трех лет назад.

Вот уже много лет в традиционной системе UDRP отсутствует бумажный документооборот, но для правил ряда стран требование о предоставлении бумажных и электронных документов сохранилось до сих пор (.AO, .DO, .ES, .HN, .IE, .IR, .MP), впрочем, и они настроены в ближайшее время избавиться от бумажного оборота документов.

Кроме вышеописанных производных от UDRP, существуют и другие уникальные системы рассмотрения доменных споров, часть из них появилась с открытием возможности регистрации новых доменных зон, число которых стремительно возросло за последние несколько лет.

Одной из ключевых для разрешения конфликтов за право управления новой доменной зоной стала процедура под названием «Legal Rights Objection». Она регламентирует процесс рассмотрения споров о нарушении прав в связи с подачей иным лицом заявки на новую доменную зону верхнего уровня. Данная процедура действует только в периоды приема заявок на новые доменные зоны, ближайший из которых намечен на 2022 г.

Очевидно, что запуск новых многочисленных доменных зон общего пользования предполагает возникновение различных рисков нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности (в основном на товарные знаки), а также столкновение интересов правообладателей и администраторов доменных имен вследствие расширения возможностей для киберсквоттинга. Это привело к созданию системы Trademark Clearinghouse, являющейся одним из механизмов защиты прав владельцев товарных знаков на этапе приоритетной регистрации

доменов в новой доменной зоне. Этой процедурой пресекается регистрация доменов, сходных с товарными знаками, их правообладателями посредством внесения данных в централизованный депозитарий.

В перечне процедур, используемых для защиты прав правообладателей товарных знаков, отдельно стоит выделить Trademark Post-Delegation Dispute Resolution Procedure, ее особенность в том, что правообладатели могут подавать жалобы против регистраторов (а не администраторов доменных имен, как, например, в соответствии с UDRP), управление (использование) которыми общими доменами первого или второго уровня приводит к нарушению исключительного права на товарный знак или способствуют такому нарушению. Эта процедура может быть применена любым правообладателем товарного знака в отношении регистратора доменного имени так называемых новых доменных зон верхнего уровня.

Как известно, к лицам, имеющим намерение зарегистрировать доменные имена в специализированных доменных зонах, предъявляются требования в отношении осуществляемых видов деятельности и/или предоставляемых документов, которые должны соответствовать правилам конкретной доменной зоны и ограничены определенной тематикой.

Например, доменная зона .AERO предназначена для использования мировым авиационным сообществом, в связи с чем администраторами указанных доменов могут быть физические или юридические лица, органы власти, которые обеспечивают и поддерживают воздушный транспорт, осуществляют функции, необходимые для воздушной перевозки пассажиров и грузов. Домены в зоне .MUSEUM предназначены для сайтов музеев, их работников или их профессиональных ассоциаций. В свою очередь, регистрировать доменные имена в зоне .COOP имеют право исключительно представители кооперативных объединений (в частности, члены Международного кооперативного альянса, члены Национальной кооперативной бизнес-ассоциации) и кооперативные организации как таковые. Процедура Charter Eligibility Dispute Resolution Policy применяется к этим доменным зонам при разрешении жалоб на регистрацию доменных имен в нарушение обязательных требований к администратору доменного имени (в частности, он не ведет соответствующего вида деятельности). При этом заявитель ограничен в выборе средств защиты — он может требовать только аннулирования доменного имени.

Согласно правилам, домены зоны .NAME отражают фамилии, псевдонимы, наименования лиц. При регистрации доменного имени

в этой зоне проверка на соответствие требованиям не проводится, но благодаря разработанной процедуре Eligibility Requirements Dispute Resolution Policy, включенной в регистрационные соглашения, любое лицо или организация имеет возможность оспорить регистрацию доменного имени, которое, по мнению заявителя, не отвечает необходимым условиям данной доменной зоны. В распоряжении заявителя есть два вида требований — аннулирование или передача доменного имени (возможная только при доказанном соответствии заявителя условиям, необходимым для регистрации доменных имен в этой зоне).

Доменная зона .PRO предназначена для практикующих специалистов в той или иной сфере, и предполагается, что профессионалы, обладающие правами на объекты интеллектуальной собственности, должны иметь приоритет перед другими специалистами при регистрации доменов в ней. В связи с этим возникла необходимость в разработке таких правил, в соответствии с которыми было бы возможно определять обоснованность регистрации доменных имен указанной категории лиц с возможностью аннулирования необоснованно зарегистрированного домена или с передачей доменного имени лицу, сумевшему доказать свое соответствие требованиям доменной зоны. Для решения этой задачи были разработаны Intellectual Property Defensive Registration Challenge Policy (далее — IPDRCP).

Доменные имена в зоне .BIZ в первую очередь должны использоваться в добросовестных коммерческих целях. Возражения против регистрации или использования определенного доменного имени на основании того, что данное имя не используется или не будет использоваться в добросовестных коммерческих целях, рассматривались ранее согласно Restrictions Dispute Resolution Policy. В настоящее время эта политика не применяется.

Все эти системы представляются крайне интересными с точки зрения российской науки, но, к сожалению, пока ею игнорируются. Уже сейчас, когда часть российских доменных зон (.РУС, .MOSCOW, .МОСКВА, .ДЕТИ) регулируется UDRP, актуально задуматься не только о фрагментарном заимствовании положений иностранных систем, но и о присоединении или, что гораздо лучше, формировании своей системы рассмотрения доменных споров, основываясь на многочисленном и успешном иностранном опыте.

Представленный обзор международных систем урегулирования споров в сфере интеллектуальной собственности (применительно к доменам) в одном только Арбитражном центре ВОИС показал,

что разработанные им системы арбитража и медиации являются востребованными в силу процессуального удобства и универсальности для трансграничных споров.

Причины популярности представленных систем урегулирования споров сводятся прежде всего к удобству для сторон рассмотрения и исполнения вынесенного решения. Все это обеспечивается на фоне минимальных расходов на рассмотрение споров, поскольку для рассмотрения дела стороны не нуждаются в дорогостоящих тратах на юристов и очное (личное) присутствие представителей сторон при рассмотрении спора.

Специфика рассматриваемых споров требует узкоспециализированных профессиональных кадров в сфере интеллектуальной собственности. Вообще опыт ВОИС показал, что высокие требования к квалификации арбитров и их территориальная удаленность от сторон спора не оставляют сомнений в объективном и независимом рассмотрении дела при максимально справедливом решении на данном этапе развития общества.

Все это может быть успешно перенесено на российскую правовую почву, что не только разгрузит суды от сложных для них доменных споров, но и обеспечит предпринимателей быстрым, качественным и недорогим механизмом урегулирования сначала доменных споров, а затем, возможно, иных споров в сфере интеллектуальной собственности, что так нужно инновационной экономике.

Список источников

1. Серго А. Г. Доменные имена. Правовое регулирование. М.: ИТЦ «Маска», 2018. С. 185–226.
2. Серго А. Г. Подходы к некоторым аспектам правового регулирования доменных имен в теории и судебной практике // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 4. С. 29–33.
3. Серго А. Г. Доменные имена. Правовое регулирование. М.: ФГБОУ ВПО РГАИС. 2013. С. 183–206.
4. Единая политика разрешения споров о доменных именах. URL: https://www.icann.org/resources/pages/udrp-2012-02-25-ru (дата обращения 13.05.2021).
5. Серго А. Г. Использование средств индивидуализации в доменных именах: практика Арбитражного центра ВОИС // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2010. № 12. С. 35–49.

6. Серго А. Г. Использование средств индивидуализации в доменных именах: практика Арбитражного центра ВОИС // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2011. № 4. С. 30–43.
7. Серго А. Г. Использование средств индивидуализации в доменных именах: практика Арбитражного центра ВОИС // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2011. № 5. С. 26–38.
8. Серго А. Г. Споры о доменных именах и политика их рассмотрения // PCWeek (Russian edition). 2003. № 25 (391).

References

1. Sergo A. G. (2018) Domennye imena. Pravovoe regulirovanie. M.: ITC Maska, 185–226 (in Russ.).
2. Sergo A. G. (2014) Podhody k nekotorym aspektam pravovogo regulirovaniya domennyh imen v teorii i sudebnoj praktike. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava,* (4), 29–33 (in Russ.).
3. Sergo A. G. (2013) Domennye imena. Pravovoe regulirovanie. M.: RGAIS, 183–206 (in Russ.).
4. Edinaya politika razresheniya sporov o domennyh imenah. https://www.icann.org/resources/pages/udrp-2012-02-25-ru (13.05.2021).
5. Sergo A. G. (2010) Ispol'zovanie sredstv individualizacii v domennyh imenah: praktika Arbitrazhnogo centra VOIS. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'*, (12), 35–49 (in Russ.).
6. Sergo A. G. (2011) Ispol'zovanie sredstv individualizacii v domennyh imenah: praktika Arbitrazhnogo centra VOIS. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost',* (4), 30–43 (in Russ.).
7. Sergo A. G. (2011) Ispol'zovanie sredstv individualizacii v domennyh imenah: praktika Arbitrazhnogo centra VOIS. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost',* (5), 26–38 (in Russ.).
8. Sergo, A. G. (2003) Spory o domennyh imenah i politika ih rassmotreniya. *PCWeek (Russian edition),* (25), 391 (in Russ.).

Статья поступила 06.12.2021, принята к публикации 20.01.2022.

© Серго А. Г., Романенкова Е. И., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 41–51. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 41–51. ISSN 2307-2741

Авторское право

Актуальные проблемы медиасферы с позиции законодательства об интеллектуальных правах

Научная статья
УДК 347.78

Наталья Юрьевна Сергеева
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
Москва, Россия
NSkafedra@bk.ru
кандидат юридических наук
ORCID 0000-0003-3964-7904

Аннотация. *В статье исследуются современные проблемы медиасферы с позиции права на интеллектуальную собственность. Автор рассматривает проблему нарушений исключительных прав на видеоблоги, а также неразграничения интернет-сайта как составного произведения и его содержания (контента), акцентирует внимание на проблеме отсутствия законодательного урегулирования таких новых цифровых явлений медиасферы, как невзаимозаменяемые токены (NFT) и цифровые произведения, созданные системами искусственного интеллекта, предлагает отдельные изменения в действующее законодательство.*

Ключевые слова: медиасфера, интеллектуальная собственность, исключительное право, результат интеллектуальной деятельности, произведение, аудиовизуальное произведение, составное произведение, блогосфера, блог, сайт, контент, невзаимозаменяемый токен, искусственный интеллект, правовая культура.

Для цитирования: Сергеева Н. Ю. Актуальные проблемы медиасферы с позиции интеллектуального права // Копирайт. 2022. № 1. С. 41–51.

Финансирование: Работа выполнена в рамках НИР 2-ГЗ-2021 «Современные проблемы в медиасфере с позиции права интеллектуальной собственности»

Actual problems of the media sphere from the perspective of intellectual law

N. Y. Sergeeva
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
NSkafedra@bk.ru
PhD in Law
ORCID 0000-0003-3964-7904

Abstract. *The article examines the modern problems of the media sphere from the perspective of intellectual property law. The author considers the problem of violations of exclusive rights to video blogs, as well as the non-delimitation of the Internet site as a composite work and its content (content), focuses on the problem of the lack of legislative regulation of such new digital phenomena of the media sphere as non-interchangeable tokens (NFT) and digital works created by artificial intelligence systems, proposes separate amendments to the current legislation.*

Key words: media sphere, intellectual property, exclusive right, result of intellectual activity, work, audiovisual work, composite work, blogosphere, blog, website, content, non-interchangeable token, artificial intelligence, legal culture.

For citation: Sergeeva.N.Y Actual problems of the media sphere from the perspective of intellectual law // Copyright. 2022. No. 1. P. 41–51.

Медиасфера сегодня представляет собой новую сферу жизни общества.

«Свое отражение этот феномен получил во многих науках, не связанных напрямую с медиа, — философии, культурологии, политологии, экономике» [1, с. 200]. К юриспруденции названная сфера имеет также самое прямое отношение и регулируется целым перечнем норматив-

ных актов[1]. Не случайно в декабре 2021 г. правовым проблемам медиа была посвящена XXX международная конференция «Три десятилетия российского медийного законодательства: итоги и перспективы», итоги которой показали необходимость корректировки действующего российского законодательства, внесения в него дополнений и изменений.

Понятие «медиасфера» не является правовым. В специализированной литературе отмечается, что «…среди практиков существует два подхода к понятию медиасферы. Первый подход связан с пониманием медиасферы как пространства информации в целом, с любыми типами носителей, любым количеством получателей информации и любыми видами каналов распространения информации. Второй подход более специализированный, касающийся непосредственно медиаиндустрии, определяет медиасферу как совокупность всех медиа» [2, с. 205–206]. В настоящей статье будем отталкиваться от первого подхода и понимать под медиасферой пространство информации в целом.

В современных эпидемиологических реалиях медиапространство активно цифровизируется, а человек, интерактивно взаимодействуя с предлагаемым ему контентом, становится «…полностью вовлеченным в медиасферу как единица, чьи действия и поведение способствуют трансформации медиа и их продуктов» [2]. У данного позитивного момента есть, однако, оборотная сторона: развитие указанной сферы идет столь быстрыми темпами, что законодатель не всегда успевает отразить необходимые изменения в законе. И прежде всего это касается такой востребованной сегодня части медиасферы, как блогосфера.

Что такое блогосфера?

Блогосфера (от англ. blogosphere) — термин, построенный аналогично термину «ноосфера» и ему подобным, и обозначающий совокупность всех блогов как сообщество или социальную сеть [3].

Ведение блога — деятельность творческая. Не случайно в настоящее время блогерство, согласно распоряжению Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях

---

[1] См., например: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»; Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» и др.

до 2030 г.», отнесено к творческим (креативным) индустриям. Вместе с тем действующим российским законодательством блогосфера урегулирована крайне недостаточно: положения, касающиеся единого правового регулирования деятельности блогеров, признаны утратившими силу еще в 2017 г.[1]. Новый же нормативный акт до сих пор не принят. В этой связи остаются неопределенными с точки зрения права не только два важнейших понятия «блог» и «блогер», но и иные правовые вопросы.

Ранее по смыслу ст. 10.2 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» блогером признавался **владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет** (выделено авт.), на которых размещается общедоступная информация, и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети Интернет. К самому блогу, опираясь на данную дефиницию, можно было соответственно отнести *соответствующий сайт (или его страницу).*

Указанные положения утратили силу не случайно, они отражали современные реалии весьма условно. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что в настоящее время существуют сайты, созданные исключительно для ведения блогов. В этом случае блогер ведет свой личный дневник в интернете, наполняя его различным контентом: постами, фотографиями, авторским видео и пр., и, как правило, является при этом владельцем такого ресурса. Однако наиболее распространенной ситуацией сегодня является ведение блогов на страницах социальных сетей (Facebook, Instagram, «ВКонтакте» и пр.) или специализированных платформ (YouTube, «Яндекс Дзен» и пр.). В этом случае блогеры используют для своих публикаций сторонний ресурс, а обращение к их личным страницам может составлять и менее 3000 пользователей в сутки. Следовательно, существующая реальность такова, что блог де-факто понятие значительно более широкое, нежели было предложено законодателем ранее. Как отразить существующую реальность в законе, покажет время, но пока это весьма проблематично, поскольку, опираясь на сказанное, можно предположить, что большая часть населения страны сегодня — блогеры. Однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи, потому далее обратимся к проблемам блогинга с позиции права на интеллектуальную собственность.

---

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В настоящее время блог, безусловно, может являться объектом интеллектуальных прав.

Так, если блогер путем творческих усилий разработает новую, уникальную систему расположения контента (содержательного наполнения блога), он де-юре становится правообладателем составного произведения (п. 2 ст. 1260 ГК РФ). При этом осуществлять свои авторские права он должен при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для его создания (п. 3 ст. 1260 ГК РФ). Если же блогер не только творчески располагает контент, но и самостоятельно его создает (либо использует контент иных лиц), то такой контент может также являться охраняемой интеллектуальной собственностью.

Что же может являться таким контентом?

Если блог текстовый, то его контент будет представлен текстами. В «чистом» виде такие блоги встречаются достаточно редко, поскольку обычно содержат не только текстовый материал, но и фотографии, картинки, музыку и пр. Все перечисленное выше с позиции права интеллектуальной собственности представляет собой охраняемые объекты авторских прав — произведения (ст. 1259 ГК РФ).

В случае с видеоблогом, под которым в научных источниках понимается «размещенный в сети Интернет и регулярно пополняемый автором цикл видеоматериалов, объединенных между собой по каким-либо параметрам, предусматривающий возможность зрителей комментировать и оценивать просмотренные материалы» [4], перед нами еще один охраняемый объект авторских прав — аудиовизуальное произведение (п. 1 ст. 1263 ГК РФ). Такая разновидность блога может существовать в различных жанрах: обзорах (товаров, услуг, фильмов и пр.), обучающих видео (где автор чему-либо обучает), пранках (где авторы разыгрывают окружающих), влогах (где автор делится происходящим, например, находясь в путешествии) и пр.

В данном контексте отметим такое неоднозначное с позиции права интеллектуальной собственности явление, как стриминг (потоковое онлайн-вещание), рассматриваемый большинством специалистов как один из способов использования произведений. Блогером здесь выступает стример, ведущий монологи на различные темы: кулинарии, музыки, путешествий и других направлений. В доктрине отмечается, что «площадок, на которых можно проводить стримы, очень много: сейчас возможность запустить трансляцию предоставляет почти каждая социальная сеть («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram и др.). Более того, создаются новые платформы, в том числе и отечественные: в 2019 г. компания МТС запустила стриминговую платформу

WASD.TV, «Яндекс» — сервис «Я.Стример». Одними из старейших и все еще наиболее популярных площадок для игрового стриминга являются Twitch и YouTube [5]. Помимо изложенного, не исключено также использование в блогах и иной интеллектуальной собственности (например, это могут быть различные средства индивидуализации, программы для ЭВМ и пр.).

Таким образом, можно сделать вывод, что с позиции права интеллектуальной собственности как сам блог, так и контент, который составляет его содержание, могут быть рассмотрены в качестве охраняемых объектов интеллектуальных прав, правовая охрана которых предусмотрена частью четвертой ГК РФ.

Между тем следует отметить, что в открытом перечне составных произведений, установленном п. 2 ст. 1260 ГК РФ, блог прямо не упоминается. И это неудивительно, так как до 2017 г. под блогом, исходя из ранее действующего законодательства, можно было понимать сайт, который в данном перечне как раз присутствует. В настоящее время в законе понятие «блог» отсутствует, а правообладатель блога нередко вовсе не является владельцем интернет-сайта, на котором тот ведется. В этой связи представляется, что во избежание путаницы блог также стоило бы прямо упомянуть в п. 2 ст. 1260 ГК РФ.

Что касается проблем, возникающих в блогосфере с позиции интеллектуального права, то они, безусловно, имеются. И прежде всего это проблема, связанная с распространенным заблуждением пользователей интернета о том, что вся интеллектуальная собственность, размещенная блогерами, находится в открытом (свободном) доступе и ее можно использовать без согласия правообладателя. В результате такого заблуждения происходят многочисленные нарушения исключительных прав как на сам блог (как составное произведение), так и на его содержание.

Весьма интересными и показательными в этой связи являются отдельные судебные споры по поводу нарушения исключительных прав на видеоблоги профессиональными участниками медиарынка.

В качестве примера продемонстрируем решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.12.2019 по делу № А40-112902/19-134-839[1].

Суть спора в следующем. ИП Пожиткин Е. А. (истец) обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском к АО «Телекомпания НТВ»

[1] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.12.2019 по делу № А40-112902/19-134-839. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c87da19f-3e3a-47b8-b0d9-a4a86e4f8a1a (дата обращения: 03.02.2022).

(ответчик) о запрете дальнейшего использования произведений: «ЖЕСТЬ. КЛЕЩИ везде, что делать, как спастись от укусов клеща, мифы о клещах. Серия 1» (далее по тексту — произведение 1), «Дети убийц, или как клещи откладывают яйца после укуса» (далее по тексту — произведение 2); о взыскании компенсации в размере 340 000 рублей за незаконное использование в телевизионных передачах частей произведения 1, размещенных на сайте и администрируемом канале ответчика; о взыскании компенсации в размере 540 000 рублей за незаконное использование в передачах частей произведения 2 на сайте и администрируемом канале ответчика; о взыскании компенсации в размере 170 000 рублей за незаконное использование частей произведения, 1 270 000 рублей — за незаконное использование частей произведения 2 в телевизионном эфире в передаче «НашПотребНадзор. Натуральный чай и суррогат, разорительные скидки и стирка без поломок». Истец также просил взыскать с ответчика 63 151 рубль в счет возмещения судебных расходов.

В ходе рассмотрения дела судом первой инстанции было установлено, что истец обладает исключительными правами на перечисленные выше видеоролики, размещенные на канале истца на видеохостинге YouTube. При этом истцом были выявлены факты размещения и незаконного использования частей упомянутых произведений на интернет-ресурсах, принадлежащих ответчику, с возможностью просмотра, копирования и распространения неограниченному кругу лиц.

Проанализировав представленные истцом доказательства, в том числе нотариальные протоколы осмотра доказательств, суд первой инстанции констатировал факт их незаконного размещения. Ответчик предпринял попытку опровергнуть позицию истца, ссылаясь на то, что использовал видеозаписи в пределах их свободного использования. Однако суд не принял данные доводы, указав на то, что цели цитирования, в рамках которых допускается использование правомерно опубликованных произведений, в рассматриваемом случае отсутствуют. Ответчик снова возражал и, ссылаясь на принцип добросовестности, указывал на производство его программы третьим лицом, а также на то, что имел право на использование видеороликов на основании правил YouTube. Между тем, отметил суд, несоблюдение договора контрагентом не является основанием для освобождения от ответственности, а правила YouTube подлежат применению только при условии использования произведения в личных, некоммерческих целях, а также получения разрешения от видеохостинга YouTube или правообладателя.

В результате рассмотрения данного дела суд удовлетворил требования ИП Пожиткина Е. А. в полном объеме. Данное решение было оставлено без изменения Постановлением Девятого арбитражного суда г. Москвы от 19.03.2020 № 09АП-9102/2020. Кассационная инстанция также поддержала выводы судов, справедливо указав на то, что «…в силу положений статьи 42 Федерального закона «О средствах массовой информации» ответчик, являясь субъектом предпринимательской деятельности и средством массовой информации, при той степени разумности и осмотрительности, какая от него требовалась при данных обстоятельствах, мог и должен был осуществлять контроль за размещаемой информацией в соответствующих передачах, обязан был соблюдать права на используемые произведения, включая авторские права, издательские права, иные права на интеллектуальную собственность[1]».

Таким образом, приведенный пример наглядно демонстрирует проблему нарушения исключительных прав в сети Интернет на видеоблоги, а также положительную практику их защиты. В рассмотренном выше споре истец сумел доказать наличие факта принадлежности ему исключительных прав на созданные аудиовизуальные произведения, а также факт их незаконного использования ответчиком. Вместе с тем нельзя не отметить то обстоятельство, что ответчик по данному делу — профессиональный участник медиарынка, безусловно, имеющий представление о правах на интеллектуальную собственность, однако легко пренебрегший ими в своих интересах, что по-прежнему сигнализирует о достаточно низком уровне правовой культуры в нашей стране.

Конечно, проблемы блогосферы — не единственные, которые возникают в медиасфере с позиции права интеллектуальной собственности. Так, не менее актуальной в настоящее время остается проблема неразграничения в информационном пространстве сайта как составного произведения и его содержания (контента). Как показывает судебная практика, нередко правообладатели предпринимают попытки защитить исключительное право на сайт как составное произведение, тогда как на самом деле нарушенными являются права на его содержательное наполнение.

---

[1] См. подробней: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.06.2020 по делу № А40-112902/2019. С. 17 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c87da19f-3e3a-47b8-b0d9-a4a86e4f8a1a/61b4c942-e6ce-4e34-ac39-fbda7b28b101/A40-112902-2019_20200622_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.02.2022).

В качестве примера можно привести решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.12.2019 по делу № А40-174238/2019[1], где истцу было отказано в требованиях о защите исключительных прав на составное произведение, поскольку, по сути, ответчиком, по мнению суда, были нарушены исключительные права на тексты и изображения, входящие в состав контента сайта, требования о защите которых истцом заявлены не были. В результате рассмотрения данного дела истцу так и не удалось доказать нарушения исключительных прав на составное произведение, а именно его переработку ответчиком[2].

Еще более сложными и пока не решенными с позиции прав на интеллектуальную собственность остаются проблемы, связанные с появлением в медиапространстве такого цифрового явления, как невзаимозаменяемый токен (далее — NFT), наиболее близкого, на наш взгляд, к правовой природе депонирования произведений. Указанное явление пока не получило какого-либо правового урегулирования ни в одной стране мира, однако его связь с интеллектуальной собственностью очевидна: NFT предоставляет к ней эксклюзивный доступ, следовательно, оно обязательно должно найти свое место в законодательстве.

Не менее актуальной видится проблема определения правового статуса произведений, созданных в медиапространстве системами искусственного интеллекта, которые, на наш взгляд, должны охраняться посредством института смежных прав. Данные проблемы будут рассмотрены автором в рамках отдельных статей.

И последняя проблема, которая требует внимания и уже поднималась автором ранее [6], касается искажения правовой терминологии в медиатекстах[3], где «живут» несуществующие де-юре авторы идей,

---

1 См. подробней: решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.12.2019 по делу № А40-174238/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/884ee3cc-0a38-4da4-8d90-211fd20437de (дата обращения: 03.02.2022).

2 См. подробней: Постановление СИП от 16.08.2021 по делу № А40-174238/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/884ee3cc-0a38-4da4-8d90-211fd20437de/b6345055-05be-4b9e-aa8b-85d24e569870/A40-174238-2019_20210816_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.02.2022).

3 В специализированной литературе «массово-коммуникативный текст, масс-медийный текст, журналистский текст, публицистический текст, газетный текст, телетекст, рекламный текст, PR-текст, интернет-текст и т.д.». Блокдва О. Медиатекст и его виды. Особенности стилистики и риторики. URL: https://proza.ru/2013/04/02/524 (дата обращения: 03.02.2022).

а также нередко используются пока не введенные в правовое поле части четвертой ГК РФ понятия применительно к отдельным видам интеллектуальной собственности (в частности, достаточно часто различные средства индивидуализации именуются брендами, а свидетельства — патентами).

Подводя итог сказанному, следует сделать общий вывод о том, что сегодня медиасфера благодаря ее активной цифровизации получила новый, современный импульс, предоставив человеку дополнительную возможность для развития его творческих способностей, что, безусловно, очень важно в существующих эпидемиологических реалиях. Вместе с тем, как показало настоящее исследование, с позиции прав на интеллектуальную собственность в данной сфере существует целый ряд актуальных проблем, требующих не только внимания законодателя, но также и повышения уровня правовой грамотности в данной сфере среди участников гражданских правоотношений.

Список источников

1. Буряк М. А. Медиасфера: концептуализация понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 2. С. 200–206.
2. Воробьев В. А., Аверина М. В. Особенности трансформации медиасферы // Вестник магистратуры. 2019. № 4-2(91). С. 134 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transformatsii-mediasfery/viewer (дата обращения: 03.02.2022).
3. Блогосфера. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Блогосфера (дата обращения: 03.02.2022).
4. Мимеева Н. Н. Видеоблог как объект авторского права // Молодой ученый. № 3 (293). 2020. С. 203.
5. Артемьева Е. А. Правовое регулирование игрового стриминга по российскому законодательству // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021 г. № 3 (33). URL: http://ipcmagazine.ru/asp/legal-regulation-of-gaming-streaming-under-russian-law. (дата обращения: 03.02.2022).
6. Сергеева Н. Ю. Автор идеи телевизионного сериала и его место в современном медиапространстве // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 10. С. 24–31.

References

1. Buryak M. A. (2014) Mediasfera: konceptualizaciya ponyatiya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta,* (2), 200–206 (in Russ.).

2. Vorob'ev V. A., Averina M. V. (2019) Osobennosti transformacii mediasfery. *Vestnik magistratury,* 4-2(91), 134. https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transformatsii-mediasfery/viewer (03.02.2022) (in Russ.).
3. Blogosfera. Vikipediya. https://ru.wikipedia.org/wiki/Blogosfera (03.02.2022) (in Russ.).
4. Mimeeva N. N. (2020). Videoblog kak ob"ekt avtorskogo prava. *Molodoj uchenyj,* 3 (293), 203. https://moluch.ru/archive/293/66542/ (03.02.2022) (in Russ.).
5. Artem'eva E. A. (2021) Pravovoe regulirovanie igrovogo striminga po rossijskomu zakonodatel'stvu. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam,* (3), 33. http://ipcmagazine.ru/asp/legal-regulation-of-gaming-streaming-under-russian-law (03.02.2022) (in Russ.).
6. Sergeeva N.YU. (2021) Avtor idei televizionnogo seriala i ego mesto v sovremennom mediaprostranstve. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava,* (10), 200–206 (in Russ.).

Статья поступила 03.02.2022, принята к публикации 07.02.2022.

© Сергеева Н. Ю., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 52–70. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 52–70. ISSN 2307-2741

Промышленная собственность

Влияние законодательства Европейского союза о конкуренции на осуществление и защиту патентных прав в сфере стандартизации

Научная статья
УДК 347.77

Ирина Викторовна Шугурова
Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия
ivshugurova@mail.ru
кандидат юридических наук, доцент
ORCID 0000-0003-3414-2704

Аннотация. *Предметом статьи является анализ взаимодействия законодательства Европейского союза о конкуренции и законодательства об интеллектуальной собственности. Особое внимание уделяется вопросам осуществления и защиты исключительных прав в отношении патентов, признанных существенными и необходимыми для стандартов (SEP). Оценивается роль патентов в аспекте установления и применения стандартов, в особенности в индустрии информационно-коммуникационных технологий. В статье рассматриваются основные подходы Европейской комиссии и Суда ЕС к разрешению споров, касающихся лицензирования, на справедливых, разумных и недискриминационных условиях (FRAND), а также в связи с возможным злоупотреблением патентообладателями своим доминирующим положением. Автор приходит к выводу о том, что в Европейском союзе проводится*

политика, направленная на поддержание баланса интересов патентообладателей и производителей, однако остается ряд неурегулированных вопросов, в частности, вопросы лицензирования в области Интернета вещей (IoT).

Ключевые слова: законодательство о конкуренции, Договор о функционировании Европейского союза, Цифровой единый рынок, Европейская комиссия, Суд ЕС, патенты, существенные для стандартов (SEP), лицензии, условия FRAND, Интернет вещей (IoT).

Для цитирования: Шугурова И. В. Влияние законодательства Европейского союза о конкуренции на осуществление и защиту патентных прав в сфере стандартизации // Копирайт. 2022 № 1 С. 52–70.

The impact of the European Union competition law on the exercise and protection of patent rights in the field of standardization

I. V. Shugurova
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
ivshugurova@mail.ru
PhD in Law, docent
ORCID 0000-0003-3414-2704

Abstract. *The subject of the article is an analysis of the interaction of the European Union competition law and intellectual property law. Particular attention is paid to the exercise and protection of exclusive rights in respect of patents recognized as essential for standards (SEP). The role of patents in the aspect of setting and applying standards, especially in the information and communication technology industry, is evaluated. The article discusses the main approaches of the EU Commission and the EU Court of Justice to the resolution of disputes concerning licensing on fair, reasonable and non-discriminatory terms (FRAND), as well as in connection with the possible abuse by patent holders of their dominant position. The author comes to the conclusion that the EU has a policy aimed at maintaining a balance of interests of patent holders and manufacturers,*

however, a number of unresolved issues remain, in particular, licensing issues in the field of the Internet of Things (IoT).

Key words: competition law, Treaty on the Functioning of the European Union, Digital Single Market, European Commission, Court of Justice of the EU, standard essential patents (SEP), licenses, FRAND terms, Internet of Things (IoT).

For citation: Shugurova I. V. The impact of the European Union competition law on the exercise and protection of patent rights in the field of standardization // Copyright. 2022. No 1. P. 52–70.

Одним из инструментов промышленной политики Европейского союза (далее — ЕС) в рамках стратегии «Европа-2020», нацеленной на достижение разумного, устойчивого и инклюзивного роста, были названы правила конкуренции, способные стимулировать создание инноваций и обеспечивать к ним доступ потребителей. Политика в области конкуренции способствует достижению заявленных целей, она поддерживает единый рынок открытым, предотвращает антиконкурентные соглашения и злоупотребление патентными и иными исключительными правами [1, с. 15].

В условиях развития единого цифрового рынка (Digital Single Market) в ЕС разрабатываются меры для снижения возможностей цифровых монополий в ограничении конкуренции и создании доминирующего положения. В связи с этим возникает необходимость соблюдения баланса интересов правообладателей при осуществлении ими исключительных прав и других участников единого цифрового рынка. Первоначальный подход, связанный с признанием приоритета интересов правообладателей, как указывается в литературе, привел к ограничению конкуренции и торможению формирования единого цифрового рынка [2, с. 124].

В Сообщении Европейской комиссии (далее — Еврокомиссия) от 25 ноября 2020 г., где был намечен план действий в области интеллектуальной собственности для поддержания устойчивости и максимального использования инновационного потенциала ЕС, отмечается, что кризис, вызванный COVID-19, продемонстрировал зависимость ЕС от важнейших инноваций и технологий. Права на объекты интеллектуальной собственности и их роль в конкурентоспособной и инновационной европейской промышленности, в частности фармацевтической, являются частью новой европейской стратегии в этой области [3]. Еврокомиссия подчеркивает, что интеллектуальная собственность

играет важную роль в торговле и инвестициях, это ключевой актив, позволяющий конкурировать на глобальном уровне. В частности, 93% от общего объема экспорта товаров ЕС приходится на отрасли, активно использующие интеллектуальную собственность. Поэтому в условиях кризиса устойчивая, экологичная и конкурентоспособная экономика нуждается в инструментах доступа к критически важным технологиям, охраняемым правом интеллектуальной собственности, для облегчения лицензирования и содействия обмену данными.

Законодательство ЕС о конкуренции и законодательство об интеллектуальной собственности имеют различные области применения. Первое регулирует те виды практик, которые оказывают антиконкурентное воздействие на рынок. Второе предоставляет исключительное право правообладателю на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которое носит монопольный характер. Таким образом, возникает определенный конфликт между законами об интеллектуальной собственности и законами о конкуренции, требующий выработки сбалансированного подхода [4]. Однако, по мнению Еврокомиссии и многих исследователей, оба свода законов преследуют одну и ту же основную цель содействия благосостоянию потребителей и эффективному распределению ресурсов, а также стимулированию инноваций. В этом находит выражение глобальный консенсус, согласно которому общие цели антимонопольных правил и исключительных прав согласованы, две группы законодательных актов в целом дополняют друг друга [5].

Вместе с тем возникают обстоятельства, при которых осуществление прав интеллектуальной собственности противоречит антимонопольному законодательству, которое в ряде случаев имеет преимущественную силу. Нормы законодательства ЕС о конкуренции, касающиеся антиконкурентных соглашений, злоупотребления доминирующим положением и контроля за слияниями предприятий, могут иметь отношение к поведению, связанному с осуществлением прав на объекты интеллектуальной собственности [6]. В качестве примера антиконкурентного использования исключительных прав можно указать так называемые «патентные войны производителей смартфонов» между крупными IT-корпорациями. В частности, корпорации Apple и Samsung Electronics в период с 2011 по 2012 г. подали друг против друга более 20 исков о нарушении исключительных прав в суды государств — членов ЕС [7, с. 22].

Основные положения законодательства ЕС в области конкуренции содержатся в Договоре о функционировании ЕС (далее — TFEU) [8].

Так, в ст. 101 TFEU запрещаются соглашения и согласованные действия, которые имеют целью или следствием предотвращение, ограничение или искажение конкуренции на внутреннем рынке. При применении ст. 101 TFEU к соглашениям, связанным с интеллектуальной собственностью, необходимо учитывать положения вторичного законодательства ЕС и руководящих принципов ЕС. В частности, Регламент Комиссии (ЕС) № 316/2014 о применении ст. 101(3) Договора о функционировании ЕС к категориям соглашений о передаче технологии [9] и соответствующие Руководящие принципы передачи технологии [10]. Статья 102 TFEU запрещает любое злоупотребление доминирующим положением. Руководство по применению ст. 102 TFEU касается распоряжения исключительными правами, в частности, в связи с отказом в лицензировании. Основные вопросы по взаимодействию в связи с пересечением законодательства о конкуренции и законодательства об интеллектуальной собственности возникают в таких отраслях, как фармацевтика, информационные технологии, телекоммуникации, энергетика и сельское хозяйство, в том числе в сфере антимонопольного законодательства и онлайн-платформ; правовой оценки завышения цен; технологического развития и защиты прав потребителей; геоблокировки; свободного перемещения товаров [5].

Одним из ключевых факторов, содействующих промышленным инновациями и конкурентоспособности, выступает стандартизация, основанная на технологиях, охраняемых патентами.

Согласно определению Международной организации по стандартизации (ISO), стандарт — это документ, содержащий требования, спецификации, руководящие принципы или характеристики, которые могут последовательно использоваться для обеспечения соответствия материалов, продуктов, процессов и услуг их назначению [11, с. 5].

Стандарты приобретают все большее значение во многих отраслях промышленности, особенно в инновационных. Стандарты обеспечивают распространение технологий и совместимость продукции. Например, в значительной мере зависит от стандартизации индустрия мобильных телекоммуникаций. Такие стандарты технической совместимости, как Wi-Fi, Bluetooth, HTML и 3G/4G/5G-сети, позволяют смартфонам, компьютерам, игровым приставкам и другим гаджетам разных производителей взаимодействовать и работать в рамках сетевой инфраструктуры. Так, современный портативный компьютер реализует более 250 стандартов совместимости [12, с. 2]. Подобные стандарты, включающие тысячи запатентованных изобретений, являются ключевыми для развития Интернета вещей (Internet of Things,

далее — IoT) в таких секторах, как бытовая электроника, автомобильная и электросетевая промышленность.

Поэтому в литературе обсуждается фундаментальный вопрос о том, следует ли рассматривать установление стандартов как частную деятельность, регулируемую внутренними правилами и процедурами, или как общественную деятельность, которая должна регулироваться нормами публичного права. В какой-то степени эти дискуссии отражают более масштабную борьбу, которая ведется по поводу природы патентного права [13, с. 211].

Организации, устанавливающие стандарты, разрабатывают правила для обеспечения эффективных процедур лицензирования использования патентов, необходимых и существенных для стандартов (standard essential patents, далее — SEP).

Следует отметить, что первым шагом Комиссии ЕС в регулировании взаимодействия стандартизации, интеллектуальной собственности и конкурентного права было Сообщение 1992 г. [14]. Комиссия разработала ряд общих принципов, которые среди прочего предусматривают, что все лица, желающие использовать европейские стандарты, должны получить к ним доступ; стандарты должны быть доступны для использования на условиях FRAND, независимо от того, принимали пользователи участие в установлении стандарта или нет. В свою очередь, правообладатели должны в необходимый срок сообщать о правах интеллектуальной собственности, которые относятся к разрабатываемому стандарту, и подтверждать или отклонять разрешение на его инкорпорацию в этот стандарт; предлагать справедливые, разумные и недискриминационные условия лицензирования.

Такие правила гарантируют, что все участники имеют доступ к стандарту на справедливых, разумных и недискриминационных условиях (Fair Reasonable and Non-discriminatory, далее — FRAND). Лицензионное соглашение на условиях FRAND предполагает, что не должны включаться положения, ограничивающие конкуренцию, лицензионные платежи должны быть разумными, а условия лицензирования одинаковыми для всех.

Обязательства FRAND в ЕС рассматриваются в качестве средства обеспечения того, чтобы владельцы прав интеллектуальной собственности не препятствовали внедрению стандарта путем отказа в выдаче лицензии или путем запроса несправедливых или необоснованных роялти [15]. Правоприменение в ЕС сосредоточено на вопросах о том, при каких обстоятельствах требование судебного запрета в отношении предполагаемого нарушителя патента, признанного SEP, является зло-

употреблением доминирующим положением в соответствии со ст. 102 TFEU. Поведение владельца SEP будет признано нарушением только в том случае, если он занимает доминирующее положение на соответствующем рынке.

Так, в деле Google против MMI было установлено, что каждый SEP представляет собой отдельный рынок соответствующих технологий, поскольку его нельзя обойти или заменить. По мнению Еврокомиссии, такое узкое определение рынка было оправданно в тех случаях, когда стандарт не может быть заменен другими стандартами. Представляется, что на практике владельцы SEP будут доминировать, если SEP относится к широко используемым стандартам.

Вместе с тем в литературе указываются возможные сценарии недобросовестного поведения патентообладателя.

Во-первых, патентообладатель может принимать участие в операциях по стандартизации, не сообщив организации, устанавливающей стандарты, о своем праве интеллектуальной собственности, а затем предпринять попытки получить крупные роялти под угрозой судебного запрета (так называемая тактика «патентной засады»). Во-вторых, изначально патентообладатель может согласиться на включение своего патента в стандарт в обмен на обязательство выдачи лицензий в соответствии с условиями FRAND, а затем попытается взимать с производителей, которые используют стандарт, более высокие ставки, чем предусмотрено FRAND [11, с. 5].

В настоящее время в ЕС продолжается совершенствование правовых норм, регулирующих включение запатентованных технологий в стандарты, и упрощение лицензирования этих технологий. Комиссия ЕС предпринимает усилия для устранения ненужных барьеров на рынке лицензирования SEP. Так, в плане действий в области интеллектуальной собственности на 2020 г. предлагались способы повышения прозрачности и предсказуемости при лицензировании SEP, они рассматривались в качестве элементов цифровой трансформации европейской промышленности. Действующая система не предлагает всех инструментов, необходимых бизнесу для быстрого, эффективного и справедливого лицензирования SEP. Проблемы возникают у малых и средних предприятий и стартапов, активно работающих в сфере IoT, поскольку переговоры занимают много времени и могут закончиться судебными разбирательствами. В связи с этим Еврокомиссия нацелена на повышение прозрачности и предсказуемости лицензирования SEP и поощряет отраслевые инициативы в наиболее связанных с этими процессами секторах [12].

Первыми серьезными разбирательствами Еврокомиссии по вопросам лицензионной практики владельцев SEP были разбирательства против американских IT-компаний Rambus и Qualcomm. Так, Еврокомиссия уведомила компанию Rambus о нарушении ст. 102 TFEU, а именно о злоупотреблении доминирующим положением на рынке динамической оперативной памяти (DRAM). Предварительно было установлено, что компания Rambus участвовала в «патентной засаде» (patent ambush), т.е. намеренно скрывала во время установления стандарта свои патенты и патентные заявки, которые имели отношение к используемым технологиям (стандарт был одобрен в рамках JEDEC), и впоследствии взимала за них завышенные платежи.

Еврокомиссия заявила, что преднамеренная и стратегическая неспособность Rambus раскрыть свои SEP подорвала доверие к процессу установления стандартов и привела к сверхконкурентным платежам. Поскольку монополизация сама по себе не является правонарушением в соответствии с законодательством ЕС, нарушение ст. 102 TFEU связано не с тем фактом, что компания Rambus незаконно приобрела рыночную власть, скрыв, что у нее были патенты, используемые в стандарте, а с тем, что впоследствии она потребовала необоснованные роялти, что является формой злоупотребления. После возражений Еврокомиссии Rambus обязалась установить во всем мире ограничение на ставки роялти сроком на пять лет [12, с. 4].

Дело компании Qualcomm, производившей чипы для мобильных устройств, также связано с чрезмерными роялти. Фирмы, работающие в секторе оборудования для мобильных телефонов, подали в 2005 г. жалобы в Еврокомиссию на то, что лицензионные условия компании Qualcomm не соответствуют обязательствам FRAND и тем самым нарушают нормы конкурентного права ЕС. Сложность заключалась в том, чтобы продемонстрировать чрезмерный характер платежей в смысле положений ст. 102(a) TFEU. После длительного разбирательства Еврокомиссия решила его формально прекратить и в 2010 г. опубликовала Руководящие принципы в отношении соглашений о горизонтальном сотрудничестве [15], включающие положения о применении антимонопольных норм ЕС к соглашениям в области стандартизации (далее — Руководящие принципы). В тех случаях, когда участие в разработке стандартов не ограничено и процедура принятия стандарта прозрачна, соглашения, которые не содержат обязательств по соблюдению стандарта и обеспечивают доступ к нему на справедливых, разумных и недискриминационных условиях, обычно не ограничивают конкуренцию по смыслу ст. 102(1) TFEU. Политика в области интеллектуальной

собственности требует от участников процесса стандартизации добросовестного раскрытия информации о патентах SEP. Это обязательство означает приложение «разумных усилий» по выявлению патентов, отражающих потенциальный стандарт. В соответствии с Руководящими принципами обязательства FRAND призваны гарантировать, что охраняемые правами интеллектуальной собственности основные технологии, включенные в стандарт, будут доступны пользователям этого стандарта на справедливых, разумных и недискриминационных условиях (§ 287) [15].

В Руководящих принципах признаются различные методы, которые могут использоваться для оценки требования «справедливости и разумности». Во-первых, сравнение лицензионных платежей, взимаемых компанией за использование соответствующих патентов в конкурентной среде до того, как отрасль была привязана к стандарту, с теми, которые взимаются после того, как отрасль была заблокирована; во-вторых, независимая экспертная оценка роли соответствующего портфеля прав интеллектуальной собственности для рассматриваемого стандарта; в-третьих, ссылка на предварительное раскрытие условий лицензирования в контексте конкретного процесса установления стандартов.

Кроме того, суды могут разрабатывать и другие критерии для оценки соответствия условиям FRAND, где выражен баланс интересов патентообладателей и лицензиатов [16, с. 89].

Названные правила учитывались Еврокомиссией в ходе разбирательств против компаний Samsung и Motorola, а также Судом ЕС в решении по делу Huawei Technologies v. ZTE.

Решения Еврокомиссии, принятые в 2014 г. в отношении компаний Motorola и Samsung, касаются использования судебных запретов на основе SEP.

В деле Motorola было выявлено нарушение норм конкурентного права ЕС в связи с тем, что эта компания добивалась судебного запрета в отношении добровольного лицензиата — компании Apple. Еврокомиссия пришла к такому выводу с учетом следующих обстоятельств. Во-первых, компания Motorola объявила о наличии патента, необходимого для внедрения стандарта 2G ETSI. Во-вторых, приняла обязательства заключать лицензионные договоры с третьими лицами на условиях FRAND. В-третьих, Motorola и Apple договорились о том, что в случае спора германским судом будет установлена приемлемая ставка вознаграждения в рамках условий FRAND. Согласие потенциального лицензиата на судебное установление ставки на условиях

FRAND в случае возникновения спора является четким свидетельством его готовности заключить лицензионное соглашение и выплатить соответствующую компенсацию владельцу SEP.

Таким образом, у патентообладателя отсутствует необходимость и основания прибегать к судебному запрету для защиты своих коммерческих интересов. В данном деле приведение в исполнение судебного запрета вынудило Apple отказаться от своих законных прав на оспаривание действительности и нарушения патента компании Motorola.

В деле Samsung предполагаемое нарушение заключалось в том, что эта компания обращалась в суды Германии, Италии, Нидерландов, Великобритании и Франции с целью запрета на продажу определенных продуктов Apple (добровольного лицензиата), в которых применялись технологии компании Samsung. При этом Samsung обязалась предоставлять лицензии на запатентованные технологии на условиях FRAND. В результате расследования Еврокомиссии компания Samsung приняла на себя обязательство не добиваться судебных запретов в Европе на основе патентов SEP для мобильных устройств в течение пяти лет в отношении любого потенциального лицензиата, который соглашается принять конкретную систему лицензирования. Эта система предполагает обязательное ведение переговоров продолжительностью до 12 месяцев, и если они не увенчаются успехом, то условия FRAND должны определяться третьей стороной или судом (по инициативе одной стороны) либо арбитражем (при наличии соглашения обеих сторон). При этом патентообладатели не должны злоупотреблять своей рыночной властью, «задерживая» потенциальных лицензиатов судебными запретами.

Таким образом, решения Еврокомиссии по делам Motorola и Samsung подтверждают сбалансированный подход в отношении интеллектуальной собственности и конкуренции.

В контексте стандартизации владельцы SEP обязуются, во-первых, лицензировать свои патенты; во-вторых, делать это на условиях FRAND. В связи с этим стремление исключить конкурентов с рынка, требуя судебных запретов на основе действующих SEP, если лицензиат готов получить лицензию на условиях FRAND, является неправомерным. При таких обстоятельствах применение судебных запретов может исказить переговоры о заключении лицензионного договора и привести к несправедливым условиям лицензирования, что негативным образом скажется на потребительском выборе и ценах [12].

В 2015 г. Суд справедливости ЕС (CJEU) вынес решение по делу C-170/13 Huawei Technologies v. ZTE. Суду было предложено опреде-

лить обстоятельства, при которых владельцы SEP могли бы требовать судебных запретов в отношении исполнителей стандартов без нарушения ст. 102 TFEU [16, с. 78].

Суд ЕС сделал вывод, что осуществление патентных прав сопряжено с неправомерным поведением только в исключительных обстоятельствах. Контекст установления стандартов, который делает запатентованные технологии незаменимыми, а также безотзывное обязательство FRAND в качестве условия включения патента в стандарт следует квалифицировать как исключительные обстоятельства по смыслу сложившегося прецедентного права. Обязательство FRAND создало законные ожидания третьих лиц о предоставлении им лицензии, что сделало отказ в выдаче лицензии и в дальнейшем требование судебного запрета потенциальным злоупотреблением доминирующим положением.

Суть дела заключалась в том, что компания Huawei Technologies владела патентом, включенным в стандарт «долгосрочной эволюции», о котором сообщила Европейскому институту стандартов и телекоммуникаций (ETSI). Компания ZTE коммерциализировала продукты, которые функционировали на основе этого стандарта, используя патенты компании Huawei без уплаты роялти. В связи с этим Huawei Technologies подала иск о нарушении исключительных прав против ZTE в региональный суд Дюссельдорфа (ФРГ), требуя судебного запрета в отношении нарушения, предоставления учетных записей, отзыва продуктов и возмещения убытков. Компания Huawei указала сумму, которую считала разумным лицензионным платежом. В свою очередь, ZTE добивалась заключения соглашения о перекрестном лицензировании. Однако ни одно предложение, касающееся лицензионного соглашения, не было доработано. Германский суд обратился в Суд ЕС с просьбой дать предварительное заключение о том, являются ли действия компании Huawei злоупотреблением доминирующим положением.

Суд ЕС постановил, что ст. 102 TFEU следует толковать в том смысле, что патентообладатель, принявший безотзывное обязательство о предоставлении условий FRAND, не злоупотребляет своим доминирующим положением путем предъявления требований о запрете нарушения патентного права. Однако до предъявления иска патентообладатель должен предупредить предполагаемого нарушителя о совершенном правонарушении и предоставить конкретное письменное предложение о выдаче лицензии на условиях FRAND с указанием размера роялти и способа его расчета.

В случае если предполагаемый нарушитель продолжает использовать запатентованное изобретение, это означает, что действия патентообладателя не являются злоупотреблением доминирующим положением.

В литературе указывается на то, что взаимосвязь между переговорами сторон о лицензировании и окончательной проверкой европейскими судами условий FRAND в значительной степени упускалась из виду. Как отмечает Т. Дорнис, влияние доктрины, разработанной в результате рассмотрения дела Huawei/ZTE, на переговоры сторон обычно сводится к простому устранению информационных асимметрий в ходе переговорного процесса. Цель состоит в том, чтобы заставить стороны использовать механизм предложений и встречных предложений, обязав их раскрыть свое понимание условий FRAND [17, с. 580]. Однако в сложившейся практике не учитывается тот факт, что судебная проверка предложений сторон является предварительным условием «справедливости» и, следовательно, эффективный исход переговоров зависит от окончательной судебной проверки и вынесенных санкций. Таким образом, доктрина, разработанная в результате рассмотрения дела Huawei/ZTE, обеспечивает основу для эффективных переговоров сторон, а также требует, чтобы суд в случае неуспешных переговоров тщательно изучал и определял конкретные условия FRAND.

В 2017 г. Еврокомиссия опубликовала «Подход к патентам, необходимым для стандартов» [18]. В нем содержатся дополнительные рекомендации по поводу критериев поведения лицензиата SEP для оценивания его готовности заключить лицензионный договор на условиях FRAND. Однако, как отмечается в литературе, остается неопределенность в отношении установления условий FRAND. В частности, вопрос о том, может ли владелец SEP отказать в выдаче лицензии на определенные уровни в цепочке создания стоимости? [6] Например, отказать в выдаче лицензии производителям компонентов, лицензируя только производителей готовой продукции. И может ли владелец SEP взимать роялти на основе полной стоимости готового конечного продукта, даже если патент владельца SEP относится только к одному компоненту, включенному в этот конечный продукт? Специалисты подчеркивают, что пока в законодательстве ЕС отсутствуют правовые основания для признания обязательств владельцев SEP лицензировать всю производственную цепочку. Напротив, существующая правовая база допускает гибкие и индивидуальные решения, учитывающие разнородные интересы и специфику разных отраслей промышленности.

Поэтому должна сохраняться конкуренция между моделями лицензирования SEP [19].

В январе 2021 г. Еврокомиссия опубликовала доклад Группы экспертов по лицензированию и оценке SEP [20]. В нем содержатся рекомендации для данной комиссии одобрить принципы лицензирования в рамках одного уровня в цепочке создания стоимости с единым роялти на условиях FRAND.

Анализируя указанный документ, специалисты отмечают две основные тенденции. Одна касается необходимости перехода к большей ясности в отношении ландшафта SEP и более подробного раскрытия условий SEP. Вторая связана с переходом к более активным действиям в сфере стандартизации — от согласования совокупных ставок роялти для стандарта в отношении категорий продуктов, согласования уровней в цепочках поставок для лицензирования SEP до формирования патентных пулов и платформ лицензирования [21].

Особое внимание в докладе [20] уделяется вопросам лицензирования SEP в области Интернета вещей (IoT).

Как отмечается в комментариях к нему, повсеместное внедрение инноваций в области IoT среди тех производителей, которые получают лицензию, основывается на соглашениях о совокупных лицензионных платежах SEP на уровне лицензирования единой цепочки поставок, специфичной для Интернета вещей, и совместных платформах лицензирования SEP. По мнению экспертов, антимонопольный надзорный орган ЕС должен найти сбалансированное решение, которое признает конкурентный потенциал коллективных отраслевых переговоров об условиях лицензирования SEP, одновременно нейтрализуя риски сговора покупателей, которые могут нанести ущерб дальнейшим инновациям [22].

В настоящее время эффективность лицензирования патентов, относящихся к SEP, зависит не только от существующих законодательных подходов и практики, учитываются также экономические и технологические факторы. В связи с этим актуальной, как подчеркивается в специальных исследованиях, является оценка существенности патента для технического стандарта [23].

В заключение следует отметить, что вопросы взаимодействия законодательства ЕС о защите конкуренции и законодательства об интеллектуальной собственности, а также вопросы осуществления и защиты патентных прав в аспекте стандартизации являются предметом дискуссий на протяжении последних десятилетий. Процесс стандартизации, в особенности в индустрии информационно-коммуникацион-

ных технологий, приносит выгоду потребителям. Но при этом важно поддерживать стимулы инноваторов инвестировать в развитие новых технологий, а также стимулировать производителей внедрять эти технологии в новые высокотехнологичные продукты. В связи с этим в ЕС проводится политика, направленная на поддержание баланса интересов владельцев SEP и производителей, использующих стандарты. Практика Европейской комиссии и Суда ЕС прояснила некоторые спорные вопросы, касающиеся применения норм конкурентного права к лицензированию патентов, необходимых и существенных для стандартов (SEP). Однако некоторые вопросы требуют дальнейшего урегулирования, например, возможность лицензирования на условиях FRAND единой цепочки поставок на всех уровнях создания стоимости продукта.

Основными критериями для достижения баланса между противоречивыми интересами должны быть открытость и конкурентоспособность рынков. Развитие высоких технологий и правоприменительные действия по защите конкуренции на цифровых рынках должны обеспечивать потенциал роста инноваций, что способствует экономическому росту в целом.

Список источников

1. Communication from the Commission. Europe 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels, 3.3.2010 COM(2010)2020 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/ (дата обращения: 13.09.2021).
2. Михайлова Н. С. Некоторые вопросы взаимодействия конкурентного права ЕС и европейского права интеллектуальной собственности в сфере цифровых технологий // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сборник научных трудов / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 123–128.
3. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Making the most of the EU’s innovative potential. An intellectual property action plan to support the EU’s recovery and resilence. Brussel, 25.11.2020 COM(2020)760 final [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=COM(2020)760&lang=en (дата обращения: 15.09.2021).
4. Conflict between intellectual property law and competition law: critical Comparative analysis [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipandlegalfilings.com/conflict-between-intellectual-property-

law-and-competition-law-critical-and-comparative-analysis? utm_source=Mondaq&utm_medium=syndication&utm_campaign=LinkedIn-integration (дата обращения: 15.09.2021).

5. IP and competition: increasing awareness of lack of uniformity between legal procedures and practices. Kluwer Patent blogger / August 30, 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://patentblog.kluweriplaw.com/2019/08/30/ip-and-competition-increasing-awareness-of-lack-of-uniformity-between-legal-procedures-and-practices/ (дата обращения: 15.09.2021).
6. Vinje Th. The intellectual property and antitrust review: European Union [Электронный ресурс]. URL: https://thelawreviews.co.uk/title/the-intellectual-property-and-antitrust-review/european-union (дата обращения: 15.09.2021).
7. Иншакова А. О., Кожемякин Д. В. Реализация эффективной конкурентной политики ЕС в сфере инноваций посредством общего интеллектуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013 № 2. С. 19–23.
8. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN
9. Commission Regulation EU 316/2014 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of technology transfer agreements (TTBER) [Электронный ресурс]. URL: lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0316&from=EN (дата обращения: 15.10.2021).
10. Communication from the Commission “Guidelines on the application of Article 101 of the Treaty on the Functioning of the European Union to technology transfer agreements” // 2014/C89/03 [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?
11. Scantlebury M. S. C., Trivelli P. (2016). Interaction between intellectual property and competition law / International Centre for Trade and Development. Geneva. 13 p.
12. Standard-essential patents. Competition policy brief. Issue 8 June 2014.
13. Contreras J. (2017). From private ordering to public law: the legal framework governing standards — essential patents. *Harvard journal of law and technology*, 30, 211–231.
14. Guidelines on horizontal cooperation agreements. Communication from the Commission — Guidelines on the applicability of Article 101 of the Treaty on the Functioning of the European Union to horizontal co-operation agreements Text with EEA relevance [Электронный ресурс]. URL:

https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52011XC0114%2804%29 (дата обращения: 15.09.2021).
15. Communication from the Commission "Intellectual property rights and standardization", October 27,1992, COM (92) 445 final. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1992:0445:FIN:EN:PDF (дата обращения: 15.09.2021).
16. Geradin D. (2018). European Union competition law, intellectual property and standardization. Cambridge handbook on technical standardization law: competition, antitrust, and patents / edited by Jorge L. Contreras. Cambridge: Cambridge University Press, 78–102.
17. Dornis T. (2020). Standard-essential patents and FRAND licensing — at the crossroad of economic theory and legal practice. *Journal of European Competition Law & Practice,* 11, 10, 575–591.
18. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee "Setting out the EU approach to Standard Essential Patents". Brussel, 29.11.2017 COM(2017)712final [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2017:0712:FIN (дата обращения: 15.09.2021).
19. Borghetti J.-S., Nicolic I., Petit N. FRAND licensing levels under EU law [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3532469 (дата обращения: 25.09.2021).
20. Group of experts on licensing and valuation of standard essential patents SEPs Expert Group [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/docsroom/documents/45217 (дата обращения: 15.09.2021).
21. Nicolic I., Galli N. The European Commission expert group's take on standard-essential patents: a short commentary for a long report // EU Intellectual Property: Innovations and Intellectual Property in Various Fields of Human Life / Jarmila Lazíková, Ľubica Rumanovská (eds). April 30th 2021. URL: https://eu-intellectual-property.webnode.sk/conference-proceeding/ (дата обращения: 18.09.2021).
22. Nicolic I., Galli N. SEP expert group report: a look into the IoT future of SEP licensing / CPI Columns, May 2021. URL: https://fsr.eui.eu/wp-content/uploads/2021/05/SEP-Expert-Group-Report-CPI.pdf. (дата обращения: 15.09.2021).
23. Bekkers R., Tur E. M., Henkel J., van der Vorst T., Driesse M., Contreras J. L. Overcoming inefficiencies of patent licensing: a method to assess a patent's essentiality for technical standards. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iplytics.com/wp-content/uploads/2021/11/BEKKERS-et-al-2021-essentiality-assessments.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

References

1. Communication from the Commission. Europe 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Brussels, 3.3.2010 COM(2010)2020. https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/.
2. Mixajlova N. S. (2017) Nekotory`e voprosy` vzaimodejstviya konkurentnogo prava ES i evropejskogo prava intellektual`noj sobstvennosti v sfere cifrovy`x texnologij. Sed`moj Permskij kongress ucheny`x-yuristov: sbornik nauchny`x trudov / otv. red. V. G. Golubczov, O. A. Kuzneczova. M.: Statut. 123–128. (in Russ.)
3. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "Making the most of the EU's innovative potential. An intellectual property action plan to support the EU's recovery and resilence. Brussel, final. https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=COM(2020)760&lang=en (15.09.2021).
4. Conflict between intellectual property law and competition law: critical Comparative analysis. https://www.ipandlegalfilings.com/conflict-between-intellectual-property-law-and-competition-law-critical-and-comparative-analysis? utm_source=Mondaq&utm_medium=syndication&utm_campaign=LinkedIn-integration (15.09.2021).
5. IP and competition: increasing awareness of lack of uniformity between legal procedures and practices. Kluwer Patent blogger / August 30, 2019. http://patentblog.kluweriplaw.com/2019/08/30/ip-and-competition-increasing-awareness-of-lack-of-uniformity-between-legal-procedures-and-practices/ (15.09.2021).
6. Vinje Th. (2021). The intellectual property and antitrust review: European Union. https://thelawreviews.co.uk/title/the-intellectual-property-and-antitrust-review/european-union (15.09.2021).
7. Inshakova, A. O., Kozhemyakin, D. V. (2013) Realizaciya e`ffektivnoj konkurentnoj politiki ES v sfere innovacij posredstvom obshhego intellektual`nogo prava. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika,* (2), 19–23 (in Russ.).
8. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN.
9. Commission Regulation EU 316/2014 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of technology transfer agreements (TTBER). https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0316&from=EN (15.10.2021).

10. Communication from the Commission "Guidelines on the application of Article 101 of the Treaty on the Functioning of the European Union to technology transfer agreements" // 2014/C89/03. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.2014.089.01.0003.01.ENG (15.10.2021).
11. Scantlebury M. S. C., Trivelli P. (2016) Interaction between intellectual property and competition law / International Centre for Trade and Development. Geneva, 13 p.
12. Standard-essential patents. Competition policy brief. Issue 8 June.
13. Contreras J. (2017) From private ordering to public law: the legal framework governing standards — essential patents. *Harvard journal of law and technology,* 30, 211–231.
14. Guidelines on horizontal cooperation agreements. Communication from the Commission — Guidelines on the applicability of Article 101 of the Treaty on the Functioning of the European Union to horizontal co-operation agreements Text with EEA relevance. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52011XC0114%2804%29 (15.09.2021).
15. Communication from the Commission "Intellectual property rights and standardization", October 27,1992, COM (92) 445 final. https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1992:0445:FIN:EN:PDF (15.09.2021).
16. Geradin D. (2018) European Union competition law, intellectual property and standardization. Cambridge handbook on technical standardization law: competition, antitrust, and patents / edited by Jorge L. Contreras. Cambridge: Cambridge University Press, 78–102.
17. Dornis T. (2020) Standard-essential patents and FRAND licensing — at the crossroad of economic theory and legal practice. *Journal of European Competition Law & Practice*, 11, 10, 575–591.
18. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee "Setting out the EU approach to Standard Essential Patents". Brussel, 29.11.2017 COM(2017)712final. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2017:0712:FIN (15.09.2021).
19. Borghetti J.-S., Nicolic I., Petit N. (2021) FRAND licensing levels under EU law. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm? abstract_id=3532469 (25.09.2021).
20. Group of experts on licensing and valuation of standard essential patents SEPs Expert Group. https://ec.europa.eu/docsroom/documents/45217 (15.09.2021).

21. Nicolic. I., Galli, N. (2021) The European Commission expert group's take on standard-essential patents: a short commentary for a long report // EU Intellectual Property: Innovations and Intellectual Property in Various Fields of Human Life / Jarmila Lazíková, Ľubica Rumanovská (eds). April 30th 2021. https://eu-intellectual-property.webnode.sk/conference-proceeding/ (18.09.2021).
22. Nicolic I., Galli N. (2021) SEP expert group report: a look into the IoT future of SEP licensing / CPI Columns, May 2021. https://fsr.eui.eu/wp-content/uploads/2021/05/SEP-Expert-Group-Report-CPI.pdf (15.09.2021).
23. Bekkers R., Tur E. M., Henkel J., van der Vorst T., Driesse M., Contreras J. L. (2021) Overcoming inefficiencies of patent licensing: a method to assess a patent's essentiality for technical standards. https://www.iplytics.com/wp-content/uploads/2021/11/BEKKERS-et-al-2021-essentiality-assessments.pdf (25.09.2021).

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00805 «Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики: сравнительно-правовой анализ»).

Статья поступила 19.01.2022, принята к публикации 03.02.2022.

© Шугурова И. В., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 71–78. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 71–78. ISSN 2307-2741

Средства индивидуализации

Квалификация обозначений как сходных до степени смешения с объектами культурного (природного) наследия в практике Суда по интеллектуальным правам

Научная статья
УДК 347.4

Ольга Викторовна Плясунова
патентный поверенный РФ,
руководитель отдела товарных знаков
«Зуйков и партнеры»,
Москва, Россия
plyasunova@zuykov.com

Аннотация. *Статья посвящена вопросам тождественности обозначений или их сходства до степени смешения с объектами культурного (природного) наследия — особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации либо объектами всемирного культурного (природного) наследия и их квалификации Судом по интеллектуальным правам. Указанное сходство представляет собой интересное и нетривиальное основание для отказа в регистрации товарного знака / признания недействительной регистрации знака.*

Ключевые слова: регистрация товарного знака, признание регистрации товарного знака недействительной, объекты природного/культурного наследия.

Для цитирования: Плясунова О. В. Квалификация обозначений как сходных до степени смешения с объектами культурного (природного) наследия в практике Суда по интеллектуальным правам // Копирайт. 2022. № 1. С. 71–78.

Qualification of designations as confusingly similar to objects of cultural or natural heritage in the Intellectual Property Court practice

O. V. Plyasunova
Trademark Attorney of the Russian Federation,
Head of Trademark Department,
Zuykov and partners, Moscow, Russia
plyasunova@zuykov.com

Annotation. *The article is devoted to the practice of the Intellectual Property Rights Court on such grounds for a refusal to register a trademark/invalidation of registration as identity or similarity to the point of confusion with objects of cultural (natural) heritage — especially valuable objects of the cultural heritage of the peoples of the Russian Federation or objects of world cultural/natural heritage. This similarity is an interesting and non-trivial reason for refusing to register a trademark / invalidating the registration of a trademark.*

Keywords: registration of a trademark, invalidation the registration of a trademark, objects of cultural/natural heritage.

For citation: Plyasunova O. V. Qualification of designations as confusingly similar to objects of cultural or natural heritage in the Intellectual Property Court practice // Copyright. 2022. 1. P. 71–78.

В условиях интенсивной конкуренции правообладатели и потенциальные правообладатели товарных знаков предпринимают попытки повысить узнаваемость своих средств индивидуализации посредством включения объектов, которые уже имеют известность; зачастую ими оказываются обозначения, сходные с наименованиями или изо-

бражениями объектов, представляющих собой огромную ценность с точки зрения искусства, истории, архитектуры, археологии, науки. Однако в большинстве случаев такой способ привлечения внимания к товарному знаку осуществляется без наличия соответствующего разрешения.

В соответствии с п. 4 ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, тождественных/сходных до степени смешения с официальными наименованиями и изображениями особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации (далее — РФ) либо объектов всемирного культурного/природного наследия, если регистрация испрашивается на имя лиц, не являющихся их собственниками, без согласия собственников (уполномоченных собственниками лиц) на регистрацию таких обозначений в качестве товарных знаков.

Таким образом, пункт только в общем виде указывает на те объекты, сходство до степени смешения с которыми недопустимо, поэтому для уяснения значения терминов, обозначающих те или иные виды объектов наследия, необходимо применение специальных нормативных актов, включая Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия (заключена в г. Париже 16.11.1972), Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1, Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 30.11.1992 № 1487.

К **особо ценным объектам культурного наследия народов РФ** относят объекты, представляющие собой ценности (материальные, интеллектуальные и художественные) эталонного или уникального характера с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства, в том числе историко-культурные и природные комплексы, архитектурные ансамбли и сооружения, предприятия, организации и учреждения культуры. В числе примеров таких объектов можно привести Московский Кремль, Государственный Эрмитаж, Российскую государственную библиотеку и многие другие.

Объекты относит **к всемирному культурному или природному наследию** Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия всеобщего выдающегося значения при ЮНЕСКО.

В соответствии со ст. 1, 2 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия[1] культурным наследием признают определенные группы памятников, ансамблей, достопримечательностей, природным наследием — имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики, науки, сохранения или природной красоты:

– природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований;
– геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений;
– природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны.

Примерами таких объектов могут выступать вулканы Камчатки, Куршская коса, плато Путорана и многие другие.

Перечисленные виды объектов нередко включаются в товарные знаки для дополнительного привлечения внимания. Например, Роспатент отказал в регистрации товарного знака

, поскольку указанное обозначение включает в себя изобразительный элемент в виде Эйфелевой башни, самой узнаваемой архитектурной достопримечательности Парижа, символа Франции, входящего в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Так, Роспатент отказал в госрегистрации обозначения

в качестве товарного знака (Суд по интеллектуальным правам; далее — СИП, дело № СИП-636/2021[2]) в связи со сходством до степени смешения с соответствующим объектом всемирного природного наследия.

[1] См.: URL: https://docs.cntd.ru/document/1900837.

[2] Решение Суда по интеллектуальным правам от 11.11.2021 по делу № СИП-636/2021.

Примечательно, что по рассматриваемому основанию озеро Байкал является одним из самых «популярных» объектов всемирного наследия в практике Суда по интеллектуальным правам.

В деле № СИП-228/2019[1] предпринимателю было отказано во внесении изменений в товарный знак «Агентство Акрополь» (в части исключения слова «агентство»), так как слово «акрополь» само по себе будет восприниматься как указание на укрепленную часть древнегреческого города, предположительно Афин, а Афинский акрополь является не только главной достопримечательностью греческой столицы, но и крупнейшим археологическим памятником мирового наследия ЮНЕСКО — поэтому вносимые предпринимателем изменения могут привести к нарушению указанным товарным знаком положений п. 4 ст. 1483 ГК РФ.

Несмотря на указание статуса объектов, сходство с которыми подпадает под запрет п. 4 ст. 1483 ГК РФ, не всегда заявители возражений внимательно относятся к необходимости точного установления вида объекта.

Например, в деле № СИП-582/2021[2]учреждение — заявитель товарного знака «Тульский кремль» — подало возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку «ТУЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ» в связи с тем, что законным правообладателем Тульского кремля (памятника архитектуры) являлось государственное учреждение культуры Тульской области «Музей «Тульский кремль» — правопредшественник заявителя.

По результатам рассмотрения возражения и Роспатент, и суд отказали в его удовлетворении, поскольку ансамбль Тульского кремля, хотя и представляет собой памятник архитектуры XVI в. и старейшее сооружение города, но не имеет статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации, а является памятником градостроительства и архитектуры федерального значения.

Лицами, обоснованно заинтересованными в подаче возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку по рассматриваемому основанию, признаются собственники объектов [1, п. 1][3]. Невыполнение данного требования является распространенной причиной отказа в удовлетворении возражений.

---

1 Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.06.2019 по делу № СИП-228/2019.

2 Решение Суда по интеллектуальным правам от 22.10.2021 по делу № СИП-582/2021.

3 Пункт 1 Обзора практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с применением пунктов 2, 4, 5, 8 и 9 ст. 1483 ГК РФ, утв. Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.02.2020 № СП-21/4.

Например, в деле № СИП-1/2019[1] заявитель, подавший возражение против товарного знака «Байкал-ЭМ», обосновал свою заинтересованность тем, что данное наименование используется им самим для осуществления деятельности по производству и продаже микробиологических удобрений, а также им получено свидетельство о регистрации удобрений под наименованием «Байкал».

Суд отметил, что нормативные правовые акты не детализируют понятие заинтересованного лица, в связи с чем таковым могут посчитать любое лицо, которое смогло обосновать наличие у него фактического интереса в признании недействительной регистрации товарного знака. Но заявитель в деле не подтвердил наличие публичного интереса в аннулировании охраны товарного знака. Суд также подчеркнул, что заявитель не приводил никаких доводов о том, что он — лицо, которое либо само имеет право разрешать использование обозначения «Байкал», либо получило такое разрешение в отношении реализации товаров, однородных тем, для которых зарегистрирован спорный товарный знак.

При установленном сходстве до степени смешения между обозначением и соответствующим объектом наследия ключевым является вопрос наличия согласия собственника.

Примечательно, что в тех случаях, когда объект находится в государственной собственности, согласие на регистрацию товарного знака все равно необходимо получать самостоятельно — согласно п. 5 раздела IV Руководства по регистрации товарных знаков[2] не предусмотрена процедура получения таких согласий Роспатентом от собственников по межведомственным каналам.

В некоторых случаях письма-согласия будущим правообладателям удается получить только на стадии рассмотрения дела в суде. Например, в деле № СИП-677/2018[3] Роспатент отказал в регистрации товарного знака

®, сославшись на отсутствие в материалах дела согласия

[1] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.05.2020 № С01-1454/2019 по делу № СИП-1/2019.

[2] Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов, утв. приказом ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12.

[3] Решение Суда по интеллектуальным правам от 16.06.2020 по делу № СИП-677/2018.

компетентного органа на включение обозначения «Байкал» в состав товарного знака. Однако общество представило в суд первой инстанции письма ФГБУ «Заповедное Подлеморье» и ФГБУ «Байкальский государственный заповедник», в которых было выражено согласие на регистрацию товарного знака по заявке.

В соответствии с п. 33 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 согласие, полученное в процессе рассмотрения спора, не может быть квалифицировано в качестве мирового соглашения (поскольку заключено не между сторонами судебного спора), но тем не менее является результатом примирения стороны по делу и лица, согласие которого необходимо для регистрации товарного знака. В связи с изложенным при таких условиях согласие признается основанием для отмены решения Роспатента.

В самом постановлении подчеркивается, что данная позиция применима к оспариванию решений об удовлетворении возражений против предоставления правовой охраны товарному знаку, но в практике[1] выработан подход, согласно которому данная правовая позиция может быть также применена и при разрешении дел об оспаривании отказов в удовлетворении возражения против отказа в государственной регистрации товарного знака.

Таким образом, включение в потенциальный товарный знак обозначений, сходных до степени смешения с объектами культурного/природного наследия, хотя и является бесспорным способом привлечь внимание к средству индивидуализации (следовательно, и к маркируемым им товарам), требует при этом максимально внимательного подхода — необходимо правильно квалифицировать правовой статус таких объектов и заблаговременно прикладывать усилия к получению письма-согласия у надлежащего субъекта, обращая особое внимание на правильное содержание такого письма.

Следует также отметить и значение доказывания заинтересованности в оспаривании регистрации таких товарных знаков — не каждое лицо, требующее признать недействительным предоставление правовой охраны товарных знаков данной категории, имеет действительно обоснованный интерес в оспаривании.

[1] Например, см. решение Суда по интеллектуальным правам от 06.12.2021 по делу № СИП-839/2021.

Список источников

1. Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с применением пунктов 2, 4, 5, 8 и 9 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал суда по интеллектуальным правам [Электронный ресурс]. URL: http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/review-of-the-practice-of-the-intellectual-property-rights-court-on-issues-related-to-the-application-of-paragraphs-2-4-5-8-and-9-of-article-1483-of-the-civil-code-of-the-russian-federation (дата обращения: 01.02.2022).
2. Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов, утв. приказом ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12. Роспатент [Официальный сайт]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/rucov-tz/download (дата обращения: 01.02.2022).

References

1. Obzor praktiki Suda po intellektual'nym pravam po voprosam, svyazannym s primeneniyem punktov 2, 4, 5, 8 i 9 stat'i 1483 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. *Zhurnal suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]* [online]. http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/review-of-the-practice-of-the-intellectual-property-rights-court-on-issues-related-to-the-application-of-paragraphs-2-4-5-8-and-9-of-article-1483-of-the-civil-code-of-the-russian-federation (01.02.2022) (in Russ.).
2. Rukovodstvo po osushchestvleniyu administrativnykh protsedur i deystviy v ramkakh predostavleniya gosudarstvennoy uslugi po gosudarstvennoy registratsii tovarnogo znaka, znaka obsluzhivaniya, kollektivnogo znaka i vydache svidetel'stv na tovarnyy znak, znak obsluzhivaniya, kollektivnyy znak, ikh dublikatov, utv. prikazom FGBU FIPS ot 20.01.2020 № 12. Rospatent [online]. https://rospatent.gov.ru/ru/documents/rucov-tz/download (01.02.2022) (in Russ.).

Статья поступила 15.02.2022, принята к публикации: 21.02.2022.

© Плясунова О. В., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 79–92. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 79–92. ISSN 2307-2741

Научная школа

Особенности правового регулирования государственного контракта в законодательстве о контрактной системе[1]

Научная статья
УДК 347.4; 347.77

Светлана Александровна Бикметова
Санкт-Петербург, Россия,
«Информационные телекоммуникационные технологии»,
аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности
biksveta@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме приобретения государством прав на результаты интеллектуальной деятельности с использованием механизма контрактной системы. Рассмотрены вопросы соотношения норм гражданского законодательства, норм законодательства о контрактной системе и норм, регулирующих права на результаты интеллектуальной деятельности. Высказано мнение о некорректности применения в Законе о контрактной системе термина «закупка» по отношению к таким объектам, как работы и услуги, а также по отношению к правам на результа-*

[1] Настоящая статья является продолжением рассмотрения вопросов о соотношении норм гражданского законодательства, норм законодательства о контрактной системе и норм, регулирующих права на результаты интеллектуальной деятельности. См. подробнее: Бикметова С. А. Гражданско-правовые аспекты законодательства о контрактной системе // Копирайт. 2021. № 3. С. 99.

ты интеллектуальной деятельности. Проанализированы точки зрения ученых относительно квалификации государственного контракта, отмечены основные особенности государственного контракта, исследован его предмет. Рассмотрены виды обязательств с участием государства, в результате исполнения которых могут быть получены подлежащие правовой охране результаты интеллектуальной деятельности. По исследуемым вопросам приведены примеры из судебной практики.

Ключевые слова: законодательство о контрактной системе, закупка, объект закупки, удовлетворение потребностей государства в правах на результаты интеллектуальной деятельности, государственный контракт.

Для цитирования: Бикметова С. А. Особенности правового регулирования государственного контракта в законодательстве о контрактной системе // Копирайт. 2022. № 1. С. 79–92.

Features of legal regulation government contract in the legislation on the contract system

S. A. Bikmetova
Saint-Petersburg, Russia,
«Information and telecommunication technologies»,
post-graduate student
of the Russian State Academy of Intellectual Property
biksveta@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the problem of the state's acquisition of rights to the results of intellectual activity using the mechanism of the contract system. The issues of correlation of norms of civil legislation, norms of legislation on the contract system and norms regulating the rights to the results of intellectual activity are considered. An opinion was expressed about the incorrect use of the term "procurement" in the law on the contract system in relation to such objects as works and services, as well as in relation to the rights to the results of intellectual*

activity. The points of view of scientists regarding the qualification of the state contract are analyzed, the main features of the state contract are also noted, its subject is investigated. The types of obligations with the participation of the state are considered, as a result of the fulfillment of which the results of intellectual activity subject to legal protection can be obtained. Examples from judicial practice are given on the issues under study.

Key words: legislation on the contract system, procurement, procurement object, meeting the state's needs for rights to the results of intellectual activity, state contract.

For citation: Bikmetova S. A. Features of the legal regulation of the state contract in the legislation on the contract system // Copyright. 2022 No. 1. P. 79–92.

Главной целью контрактной системы является обеспечение потребностей государства в различных благах. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) им регулируются отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в данной сфере.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) понятие «закупка» отсутствует. Статья 3 Закона о контрактной системе дает следующее определение «закупки»: закупка товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд (далее — закупка) — совокупность действий, осуществляемых в установленном законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд. Закупка начинается с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами контракта.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова существительное «закупка» отсутствует, но есть глагол «закупить» — «купить в большом количестве или оптом» [1]. Большой юридический энциклопедический словарь определяет «закупку» как «приобретение товаров за рубежом или внутри страны крупными партиями, в большом количестве. Закупки, проводимые государственными органами, называют госу-

дарственными» [2]. В Юридической энциклопедии 2007 г. [3] данный термин вообще отсутствует.

Законодатель термином «закупка» определяет действия государственного заказчика, осуществляемые при выборе лица, способного удовлетворить нужды государственного заказчика, процедуру заключения с таким лицом сделки, а также действия государственного заказчика, предусмотренные законом, осуществляемые им при исполнении сделки.

«Закупкой» также в смысловом значении закона о контрактной системе можно назвать саму потребность заказчика в чем-либо с той точки зрения, что действие всей контрактной системы направлено на удовлетворение потребностей заказчика, при этом контрактная система является механизмом, обеспечивающим получение заказчиком того, в чем была его нужда.

На практике термин «закупка» применяется к множеству действий, осуществляемых и заказчиками, и поставщиками в соответствии с законодательством о закупках, которые можно назвать «закупочными процедурами». При этом речь идет не о приобретении какого-либо объекта как таковом, а о сопровождающем этот процесс большом количестве процедур, начиная от составления плана закупок и заканчивая публикацией отчетности о проведенных закупках.

Таким образом, термин «закупка» в контексте закона приобретает управленческо-организационный характер и выходит за рамки гражданско-правового значения понятия «купля».

В то же время «закупкой» можно назвать непосредственное приобретение некоего объекта лицом, т.е. покупателем, у лица, передающего этот объект, — продавца. Так или иначе, «закупка» ассоциируется с «куплей». В этой связи применение законодателем термина «закупка» является некорректным, поскольку в Законе о контрактной системе это понятие имеет скорее смысл некой «дорожной карты», алгоритма действий по приобретению товара, работы или услуги.

В тексте Закона о контрактной системе содержится указание на «объект закупки», при этом понятие «объект закупки» в нем отсутствует. Несмотря на это, данное понятие активно используется, а именно: ст. 31 Закона о контрактной системе предписывает заказчику установить единые требования к лицам, осуществляющим поставку товара, выполнение работы, оказание услуги, являющимся объектом закупки. То есть объект закупки — поставка товара, выполнение работы, оказание услуги.

При этом возникает вопрос: можно ли «закупить» работы и услуги? Очевидно, что в отличие от «закупки» товара, при которой приоб-

ретатель получает овеществленный результат, при «закупке» услуги такой материальный результат отсутствует. Услуга — это действия исполнителя услуги, которые принимаются и потребляются заказчиком. Что касается «закупки» работ, то «закупить» можно результат работы, но не саму работу. Поэтому используемую законодателем терминологию в части «закупки работ, услуг» нельзя назвать удачной и выверенной.

Что касается регулирования Законом о контрактной системе вопросов приобретения государством прав на объекты интеллектуальной собственности, то применяемый в законе подход к «закупке товара, работы или услуги» по отношению к правам на результаты интеллектуальной деятельности представляется некорректным. С правовой точки зрения закупка, купля-продажа — это конструкция вещного права, применять ее к правам на результаты интеллектуальной деятельности неверно. Вещные права неразрывно связаны с вещью и, по общему правилу, переходят от продавца к покупателю в момент передачи вещи. Но исключительные права в отличие от вещных прав имеют своим объектом нематериальное творение. Его отчуждение невозможно, может быть только отчуждение прав на него. Отчуждение исключительных прав имеет свои особенности, обусловленные особенностями объекта отчуждения — прав на идеальные объекты. Поэтому также особого внимания требует «закупка» работ, итогом выполнения которой является результат, содержащий идеальный объект. Например, при «закупке» опытно-конструкторской работы непосредственным ее результатом является конструкторская документация — овеществленный результат. Но в этот овеществленный результат, его содержание, могут быть включены идеальные объекты, которые не являются овеществленными. Конструкторская документация — материальный носитель, но суть ее могут составлять идеальные, неовеществленные результаты.

Итак, рассматриваемый закон под объектами закупки подразумевает и действия участников правоотношений (поставка товара, выполнение работы, оказание услуги), и сами блага, на которые направлены действия субъектов, — товары, работы, услуги. Это подтверждает отсутствие в нем упорядоченности и вдумчивого подхода к используемой терминологии.

В целом недостатком законодательства о контрактной системе является отсутствие дифференцированного подхода к категориям объектов «закупок». Проблема «закупаемых» в соответствии с законодательством о контрактной системе объектов, в частности прав

на результаты интеллектуальной деятельности, представляется заслуживающей пристального внимания, так как влияет на существо правовых отношений в рассматриваемой сфере.

Можно сказать, что в целом Закон о контрактной системе имеет общую терминологическую и практическую направленность на регулирование отношений по удовлетворению потребностей государства в объектах вещных прав и в недостаточной степени уделяет внимание потребностям государства в распоряжении интеллектуальными правами. И вообще подход закона к описанию объектов закупки позволяет говорить о закупках объектов вещных прав. Например, ст. 33 предписывает заказчику при описании объекта закупки указывать «функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики» объекта закупки. Между тем Закон о контрактной системе сегодня — это правовая основа действий государства по приобретению объектов, необходимых для удовлетворения всех потребностей государства, за исключением прямо поименованных в п. 2 ст. 1 закона. Таким образом, сфера интеллектуальных прав практически остается за рамками его регулирования.

Итак, переходя от рассмотрения категорий «закупаемых» в соответствии с законом объектов к механизму приобретения таких объектов, необходимо разобраться в инструментах, используемых Законом о контрактной системе, для их приобретения государством. В первую очередь следует понять соотношение норм ГК РФ, в том числе норм, регулирующих права на результаты интеллектуальной деятельности, и норм Закона о контрактной системе относительно купли-продажи (закупки), а также отчуждения прав. Сначала рассмотрим соотношение норм, регулирующих договор купли-продажи. В соответствии со ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

В ГК РФ институт купли-продажи представлен двумя частями — Общей (§ 1 гл. 30) и Особенной, куда вошли отдельные виды данного договора, в том числе поставка для государственных и муниципальных нужд. «Выделение… семи видов является произвольным и обусловлено исключительно практическими, утилитарными целями законодателя, видимо, посчитавшего необходимым регулирование отдельных разновидностей купли-продажи на уровне кодифицированного нормативного акта» [4]. При этом в основу выделения видов купли-продажи заложены и цели, и субъектный состав, и особенности товара и т.д.

Поставка товаров для государственных нужд — один из видов договора купли-продажи, обусловленный особыми целями и субъектным составом правоотношения. Согласно ст. 454 ГК РФ, нормы параграфа 1 главы 30 применяются, если иное не предусмотрено правилами ГК РФ об этих видах договоров.

Также гражданско-правовым договором с особым субъектным составом и целью заключения является государственный контракт на выполнение подрядных работ для государственных нужд. Предмет договора подряда с участием публичных образований в ст. 763 ГК РФ обозначен как «строительные, проектные и другие связанные со строительством и ремонтом объектов производственного и непроизводственного характера работы». В соответствии с п. 2 ст. 778 ГК РФ положения ст. 763–768 ГК РФ также применяются к отношениям по выполнению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных или муниципальных нужд.

При этом следует отметить, что нормы параграфа 5 главы 37 ГК РФ регулируют только выполнение работ, относящихся к строительному подряду и подряду на выполнение проектных и изыскательских работ, предназначенных для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Следовательно, указанные нормы не могут применяться к регулированию иных видов подрядных работ, направленных на удовлетворение публичных нужд. Практически же заключаемые в соответствии с Законом о контрактной системе договоры подряда не имеют исключений в предмете, кроме тех, что обозначены в ч. 2 ст. 1 закона.

Таким образом, ГК РФ к государственным контрактам относит следующие договоры: 1) поставка товаров для государственных нужд, 2) подрядные работы для государственных нужд, 3) выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных нужд.

Следует отметить, что определение государственного контракта в ГК РФ отсутствует. В ст. 526, 763, 778 ГК РФ указаны предметы государственных контрактов — поставка товаров, подрядные работы, научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы. Государственный контракт, как и любой гражданско-правовой договор, — это соглашение об установлении гражданских прав и обязанностей, в результате заключения которого между сторонами возникают гражданские правоотношения. Такие правоотношения обладают спецификой, позволяющей говорить об особом положении государственного контракта в общем ряду гражданско-правовых договоров.

В литературе отмечается, что одной из причин отсутствия единообразия мнений о государственном контракте является сложный межотраслевой характер правового регулирования отношений по государственным закупкам [5]. Интересно также мнение о квалификации государственного контракта как договора присоединения, поскольку права участника процедуры закупки — поставщика, подрядчика, исполнителя — на внесение изменений в определенные заказчиком условия договора являются ограниченными [6]. Признаки государственного контракта достаточно подробно исследованы авторами работ по указанной теме [7–11].

Остановимся здесь лишь на определяющих особенности государственного контракта признаках: это наличие особого субъектного состава соответствующего правоотношения — участие в нем публично-правового образования, направленность на удовлетворение нужд публичного образования, особые основания и порядок заключения договора.

Статья 3 Закона о контрактной системе дает понятие государственного контракта и определяет его как гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), который заключен от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации государственным заказчиком для обеспечения государственных нужд. В качестве предмета государственного контракта приобретение государственным заказчиком прав на результаты интеллектуальной деятельности не указано.

Таким образом, в соответствии с Законом о контрактной системе государственные заказчики заключают следующие договоры: 1) о поставке товара, 2) выполнении работы, 3) оказании услуги, 4) приобретении недвижимого имущества, 5) аренде имущества. Последние два вида договора указаны в ст. 3 закона в скобках, как бы вскользь.

Следует констатировать, что отсутствие в ГК РФ нормы, определяющей понятие государственного контракта, компенсируется ее наличием в Законе о контрактной системе. Нормы о государственном контракте, содержащиеся в ГК РФ, являются общими по отношению к специальным нормам, содержащимся в Законе о контрактной системе, по сути, конкретизирующим порядок заключения, исполнения и расторжения государственных контрактов.

Можно отметить, что в настоящее время нормы ГК РФ, регулирующие правовые отношения с участием государства, не развиваются с такой стремительностью, с которой это происходит с нормами специального законодательства. В определенной мере это оправдано

необходимостью сохранения стабильности ГК РФ. Недостатком такого подхода является то, что действующий ГК РФ не в полной мере отражает особенности государственного контракта, его заключения, исполнения и т.д., оставляя эти вопросы более динамичному и часто меняющемуся специальному законодательству.

Виды обязательств с участием государства, в результате выполнения которых могут быть получены подлежащие правовой охране результаты интеллектуальной деятельности, отражены и в части второй, и в части четвертой ГК РФ.

Так, в части второй ГК РФ определены виды гражданско-правовых договоров, в результате исполнения которых могут быть получены охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности: 1) договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ; 2) договоры подряда.

Согласно части четвертой ГК РФ по государственному контракту могут быть созданы: 1) произведения науки, литературы и искусства (ст. 1298), 2) изобретение, полезная модель, промышленный образец, (ст. 1373), 3) топология интегральной микросхемы (ст. 1464), 4) секрет производства (ст. 1471). Государственные контракты, указанные в ст. 1298, 1373, 1464, 1471 ГК РФ, заключаются в соответствии с параграфом 5 главы 37 и главой 38 ГК РФ, т.е. их предметом могут являться подрядные строительные работы, проектные и изыскательские работы, а также научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы. При этом указанные нормы части четвертой ГК РФ не коррелируются с нормами части второй ГК РФ. Но поскольку государственные контракты на выполнение работ регулируются только главами 37 и 38 ГК РФ, то и применение норм этих глав к отношениям в рамках государственных контрактов, в результате которых создаются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, не вызывает сомнений. Таким образом, в соответствии с ГК РФ создание в ходе исполнения государственных контрактов произведений науки, литературы и искусства, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, топологий интегральных микросхем, секретов производства возможно по договорам подряда на выполнение строительных, проектных, изыскательских работ, а также по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Но, как уже упомянуто выше, в практике реализации норм Закона о контрактной системе заключаемые в соответствии с ним договоры подряда не имеют исключений в предмете и могут быть направлены на любой объект, за исключением обозначенных в ч. 2 ст. 1 закона.

Кроме того, практике известны также случаи заключения государственных контрактов на «поставку охраняемых результатов интеллектуальной деятельности»[1]. Дело № А18-19/2020 интересно для исследователя своими фактами, оборотами, используемыми сторонами и судами, и показательно в смысле отражения правовой действительности в рассматриваемой сфере. Из материалов дела следует, что стороны заключили государственный контракт, по условиям которого поставщик обязан оказать «услуги по предоставлению лицензий на право использовать компьютерное программное обеспечение». В приложении № 1 к контракту определена «спецификация выполняемых работ», согласно которой «поставщик поставляет заказчику программное обеспечение — Microsoft Windows Server Enterprice 2008 R2 w/SP1x64 Russian 1 pk DSP OEI DVD 1-8 CPU 10 Clients (P72-04478) и базовый пакет для сертифицированной версии СУБД SOL Server 2008 Enterprise Edition для использования на 1 АМР». Поставщик не выполнил обязательства по государственному контракту. Судом указано, что «вместо оказания услуг по предоставлению лицензий на право использовать компьютерное программное обеспечение общество передало заказчику 6 компьютерных дисков и 2 флеш-накопителя с размещенным на них программным обеспечением». Суд констатировал, что «между сторонами заключен фактически договор поставки товара для государственных нужд, который является разновидностью договора купли-продажи. В соответствии с положениями ст. 513 ГК РФ покупатель (получатель) обязан совершить все необходимые действия, обеспечивающие принятие товаров, поставленных в соответствии с договором поставки». При этом суд кассационной инстанции задумался о правомерности решения суда первой инстанции, который исходил из того, что к спорным правоотношениям применяются правила, установленные для лицензионных договоров. Суд кассационной инстанции указал, что «при рассмотрении спора, возникающего из лицензионного договора, суду необходимо было проанализировать предмет договора с точки зрения установления его существенных условий в части определения способов использования произведения, которым наделяется лицензиат». С учетом того, что «поставщик не представил доказательств, подтверждающих факт передачи заказчику прав на результаты интеллектуальной деятельности», суд первой инстанции взыскал сумму неосновательного обогащения в размере оплаченного товара. Апелляционный суд, от-

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.03.2021 № Ф08-1754/21 по делу № А18-19/2020.

меняя решение суда первой инстанции, исходил из того, что «товар, переданный поставщиком, принят покупателем без замечаний, а также оплачен в полном объеме. Учреждение не подтвердило существенное нарушение обществом требований к качеству товара (несоответствие переданного товара условиям договора)». Кассационный суд согласился с апелляционным.

Таким образом, суды исходили из того, что заказчик закупал товар и предмет договора — поставка товара. Стороны определили предмет договора как «оказание услуги по предоставлению лицензий на право использовать компьютерное программное обеспечение». При этом спецификацией, являющейся приложением к договору, был определен «перечень выполняемых работ» и то, что «поставщик поставляет заказчику программное обеспечение». Полагаем, что суды просто запутались в столь сложной конструкции применения сторонами норм ГК РФ и норм законодательства о контрактной системе. Кроме того, и сами стороны заблудились в хитросплетениях применяемой ими терминологии.

На данном примере можно увидеть, насколько нечеткость формулировок закона способна породить путаницу в трактовке достаточно простых обстоятельств дела. Очевидно, что потребностью заказчика было получить права на использование программ для ЭВМ. Но в соответствии с требованиями закона им был заключен контракт с совершенно запутанным предметом — это и оказание услуги, и поставка, и даже выполнение работы. В соответствии с нормами Закона о контрактной системе заказчик может заключить контракт на поставку товара, выполнение работы, оказание услуги, лицензионный договор в этом перечне не поименован. В результате участники гражданского оборота заключили договор на «оказание услуги по предоставлению лицензий на право использовать компьютерное программное обеспечение». И данный пример, к сожалению, не является единственным, есть и другие подобные курьезные случаи в правоприменении.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Термин «закупка» в законодательстве о контрактной системе имеет смысловое значение «процесса» и понимается участниками как организационно-управленческий механизм, функционирующий с целью удовлетворения нужд государственного заказчика. С точки зрения гражданского права закупка — это непосредственное приобретение некоего объекта лицом, т.е. покупателем, у лица, передающего этот объект, т.е. у продавца. Законодательство о контрактной системе, являясь частью гражданского законодательства, должно быть выверено

в том числе в части применяемой терминологии. И в данном случае применяемый законодателем подход является неудачным.

Также некорректным является применение законодателем термина «закупка» в отношении работ и услуг. Купить можно товар, при этом приобретатель получает овеществленный результат, но при «закупке» услуги такой материальный результат отсутствует. Услуга — это действия исполнителя услуги, которые принимаются и потребляются заказчиком. Также и при «закупке работ» — купить можно результат работы, но не саму работу.

Также законодательство о контрактной системе не выделяет права на результаты интеллектуальной деятельности как отдельный предмет «закупок» и применяет к ним общий подход «закупки товара, работы или услуги», что, конечно, не соответствует общим нормам гражданского права. Купля — конструкция вещного права, применение ее к работам, услугам, тем более к правам на результаты интеллектуальной деятельности, неверно. В контрактном законодательстве, которое является частью гражданского, нельзя не учитывать специфику такого объекта приобретения, как права на результаты интеллектуальной деятельности, ведь исключительные права, в отличие от вещных прав, имеют своим объектом нематериальное творение. Отчуждение исключительных прав имеет свои особенности.

Нормы о государственном контракте, содержащиеся в ГК РФ, являются общими по отношению к специальным нормам, содержащимся в Законе о контрактной системе, которые конкретизируют порядок заключения, исполнения и расторжения государственных контрактов. Законодательство о контрактной системе развивается более динамично, чем нормы ГК РФ, что является оправданным в целях сохранения стабильности ГК РФ. Но существенным недостатком такого подхода является то, что действующий ГК РФ, являясь основным регулирующим гражданские правоотношения нормативно-правовым актом, не отражает особенности правовых отношений в рассматриваемой сфере, в частности, особенности государственного контракта, его заключения, исполнения и т.д. Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны ему соответствовать (п. 2 ст. 3 ГК РФ), в противном случае требуется внесение изменений в ГК РФ.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 209.

2. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2005. С. 189.
3. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 5-е, доп. и перераб. М., 2007. 972 с.
4. Гражданское право: учебник. В 3 т. / под ред. проф. А. П. Сергеева. Т. 2 М.: Проспект, 2019. С. 6.
5. Андреева Л. В. Пути совершенствования российского гражданского законодательства о государственных закупках в условиях членства Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе // Копирайт. 2020. № 3. С. 5.
6. Махова О. Е. Договор строительного подряда как институт гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
7. Андреева Л. В. Понятие контрактной системы и основные правила ее функционирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11.
8. Белов В. Е. Участие Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, связанных с государственными заказами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Зарубин А. С. Приемы и методы гражданско-правового исследования законодательства о контрактной системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. Вып. 37. С. 312–322. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-312-322
10. Ананьев А. Г. Понятие государственного (муниципального) контракта по действующему законодательству // Гражданское право. 2016. № 5. С. 9–11.
11. Цатурян Е. А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография. М.: Статут, 2020. 224 с.

References

1. Ozhegov S. I., SHvedova N.YU. (1999) Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Izd. 4-e, dop. M.: Azbukovnik, 209 (in Russ.).
2. Barihin, A. B. (2005) Bol'shoj yuridicheskij enciklopedicheskij slovar'. M.: Knizhnyj mir (in Russ.).
3. Tihomirova L. V., Tihomirov M. Yu. (2007) Yuridicheskaya enciklopediya. Izd. 5-e, dop. i pererab. M., 972 (in Russ.).
4. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. (2019) V 3 t. / pod red. prof. A. P. Sergeeva. T. 2. M.: Prospekt (in Russ.).
5. Andreeva L. V. (2020) Puti sovershenstvovaniya rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva o gosudarstvennyh zakupkah v usloviyah chlenstva

Rossijskoj Federacii v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze. *Kopirajt,* (3), 5 (in Russ.).
6. Mahova O. E. (2008) Dogovor stroitel'nogo podryada kak institut grazhdanskogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow (in Russ.).
7. Andreeva L. V. (2013) Ponyatie kontraktnoj sistemy i osnovnye pravila ee funkcionirovaniya. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika (11).*
8. Belov V. E. Uchastie Rossijskoj Federacii i sub»ektov Rossijskoj Federacii v otnosheniyah, svyazannyh s gosudarstvennymi zakazami: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.
9. Zarubin A. S. (2017) Priemy i metody grazhdansko-pravovogo issledovaniya zakonodatel'stva o kontraktnoj sisteme. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki,* 3312–322. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-312-322 (in Russ.).
10. Anan'ev A. G. (2016) Ponyatie gosudarstvennogo (municipal'nogo) kontrakta po dejstvuyushchemu zakonodatel'stvu. *Grazhdanskoe pravo,* (5), 9–11 (in Russ.).
11. Caturyan E. A. (2020) Gosudarstvennyj kontrakt v grazhdanskom prave Rossii: problemy teorii i praktiki: monografiya. M.: Statut, 224 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.11.2021, принята к публикации 10.02.2022.

© Бикметова С. А., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 93–100. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 93–100. ISSN 2307-2741

Научная школа

Правовая природа принудительной лицензии

Научная статья
УДК 347.77

Мария Максимовна Пучинина
Федеральный институт промышленной собственности,
Москва, Россия
эксперт отдела химии и фармацевтики
masha-puchinina@mail.ru

Аннотация. *В статье рассмотрена правовая природа принудительной лицензии, которой присуща диалектика — объединение форм сотрудничества (элементы лицензионного договора) и принуждения (договор заключается против воли правообладателя). Особое внимание уделяется анализу существующих подходов к толкованию института принудительного лицензирования. Одна группа авторов рассматривает принудительную лицензию как лицензионный договор, другая — как определенное «разрешение», также есть мнение, что это ответственность за неисполнение обязанности патентообладателем или обременение исключительного права.*

Ключевые слова: принудительная лицензия, правовая природа, лицензионный договор, исключительное право, правообладатель, право использования, распоряжение, ограничение.

Для цитирования: Пучинина М. М. Правовая природа принудительной лицензии // Копирайт. 2022. № 1. С. 93–100.

Legal nature of compulsory license

M. M. Puchinina
Federal Institute of Industrial Property, Moscow, Russia
expert of the Department of chemistry and pharmacy
masha-puchinina@mail.ru

Annotation. *The paper discusses the legal nature of a compulsory license, which has a dialectic component — combining forms of cooperation (elements of the license agreement) and compulsion (the agreement is concluded without the consent of the right holder). Particular attention is paid to the analysis of existing approaches to the interpretation of the institute of compulsory licensing. One group of authors is considering a compulsory license as a license agreement, the other — as a certain "permit", there is also an opinion that it is the responsibility for non-fulfillment of duty by patent holder or the encumbrance of exclusive right.*

Key words: compulsory license, legal nature, license agreement, exclusive right, right holder, right to use, disposal, restriction.

For citation: Puchinina M. M. Legal nature of compulsory license // Copyright. 2022. No. 1. P. 93–100.

Институт правомерного использования государством или третьим лицом результата интеллектуальной деятельности (далее — РИД) без согласия правообладателя играет важную роль в правоотношениях по поводу интеллектуальной собственности (далее — ИС). Одним из аспектов такого использования является предоставление принудительной лицензии на использование соответствующего РИД третьему лицу в судебном порядке.

Актуальность исследования норм института принудительного лицензирования существенно возросла в последние годы. Одной из причин является получение первой принудительной лицензии для зависимого изобретения в 2018 г. в фармацевтической отрасли в Российской Федерации (далее — РФ).

Более того, в связи со сложившейся социально-экономической ситуацией, вызванной пандемией коронавируса, каждая страна заинтересована иметь механизмы борьбы с дефицитом запатентованных

лекарственных или профилактических средств, а также медицинских изделий, обеспечивающих потребности населения.

Современное положение Российской Федерации также осложнено и политическим аспектом в связи с введением различных экономических санкций в отношении нашего государства. Поэтому приоритетной стала политика импортозамещения, для которой необходимо развитие технологий, в основе которых лежат результаты интеллектуальной деятельности.

Однако злоупотребление исключительным правом со стороны правообладателя способно привести к нехватке социально значимых товаров и услуг, например вакцин и лекарств от COVID-19. Очевидно, что рассматриваемая ситуация потенциально может создать угрозу для жизни, здоровья и благополучия граждан, а также способствовать возникновению недобросовестной конкуренции.

Именно поэтому институт принудительного лицензирования в настоящее время оказался в фокусе общественного внимания, особенно со стороны специалистов в области интеллектуальной собственности. Однако правовая природа принудительной лицензии в гражданском праве в явном виде не определена, в частности, отсутствует толкование соответствующего термина в нормативно-правовых актах.

Статья 1239 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) характеризует принудительную лицензию как право использования РИД, исключительное право на который принадлежит другому лицу. Оно может быть предоставлено судом по требованию заинтересованного лица на указанных в решении суда условиях.

ГК РФ предусматривает два вида принудительных лицензий для объектов патентных прав: в случае неиспользования или недостаточного использования правообладателем промышленного образца или изобретения в течение четырех лет со дня выдачи соответствующего патента или в течение трех лет для полезной модели, а также в случае зависимых изобретений (ст. 1362). В свою очередь, принудительная лицензия на использование селекционного достижения выдается по истечении трех лет со дня выдачи охранного документа любому лицу при отказе правообладателя от заключения лицензионного договора на соответствующих установившейся практике условиях (ст. 1423). Других вариантов для получения принудительной лицензии в российском законодательстве не предусмотрено.

Существует несколько подходов к толкованию правовой природы института принудительного лицензирования. Одна группа авторов рассматривает принудительную лицензию как лицензионный договор,

заключенный в принудительном порядке. Как отмечает С. С. Лосев, указанный подход обоснован следующим: при неиспользовании или недостаточном использовании объектов патентных прав правообладателем он может быть принужден к выдаче лицензии на советующий РИД [1, с. 160].

Общие нормы, используемые для заключения лицензионного договора, устанавливает ст. 1235 ГК РФ. Лицензиар предоставляет (обязуется предоставить) лицензиату право использования определенных видов интеллектуальной собственности. Лицензиат сможет использовать результат интеллектуальной деятельности только в тех пределах, которые предусмотрены лицензионным договором. Договорными условиями являются способ использования (например, только производство лекарственного средства), срок (любой, но не превышающий срока действия исключительного права) и территория использования (например, только Московская область), а также вознаграждение.

Согласно п. 43 Постановления Пленума ВС РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2019[1], при рассмотрении споров судом по поводу принудительных лицензий, исходя из аналогии закона, применяются положения п. 1 ст. 445 ГК РФ. Упомянутая норма относится к «заключению договора в обязательном порядке» — если сторона, для которой заключение договора обязательно (в соответствии с ГК РФ или иными законами), уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о принуждении к заключению договора.

Таким образом, в рассмотренном контексте принудительная лицензия является одним из исключений из принципа свободы договора.

Другая группа авторов придерживается мнения о том, что принудительная лицензия не является одним из видов лицензионного договора. А. Н. Малыгина обращает внимание на то, что «лицензионными» являются только правоотношения, которые носят гражданско-правовой, а не административно-правовой характер [2].

Основным аргументом в поддержку теории о недоговорной природе принудительной лицензии является то, что условия и объем использования соответствующего РИД определяются в судебном порядке в результате рассмотрения иска о предоставлении заинтересованному лицу принудительной лицензии [3, с. 67].

---

1 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/0ad48b6f1ad2ca3292858397b05569ca57012b91.

В комментариях к Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее — Соглашение ТРИПС)[1] принудительная лицензия рассматривается как выдаваемое государством разрешение на использование охраняемого патентом изобретения (полезной модели) [4, с. 579–581].

В соответствии с нормами Соглашения ТРИПС в доктрине также встречаются определения принудительной лицензии как некоего «разрешения». Так, один из зарубежных авторов трактует принудительную лицензию как разрешение, выданное национальным органом лицу без или против согласия правообладателя для использования объекта, охраняемого патентом или другими правами на интеллектуальную собственность [5]. В. В. Погуляев считает, что принудительная лицензия — особый вид разрешения на использование РИД, который предоставляется лицу независимо, т.е. против воли правообладателя [6]. В другом источнике принудительная лицензия определена как разрешение использовать запатентованные изобретения, выдаваемое компетентными государственными органами без согласия правообладателя — по решению суда или органа государственного управления[2].

В соответствии с теорией о недоговорной природе принудительной лицензии В. И. Еременко считает, что принудительная лицензия носит штрафной характер, что также следует из ее названия [7]. Другие исследователи отмечают, что в качестве основания предоставления принудительных лицензий предусмотрены элементы состава гражданского правонарушения, что дает основания предполагать, что принудительная лицензия — это ответственность за неисполнение обязанности правообладателем [8; 9].

Однако стоит обратить внимание на то, что в отличие от принудительной лицензии на использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в качестве основания для ее предоставления на использование селекционного достижения учитывается не факт неиспользования РИД, а именно отказ от заключения лицензионного соглашения спустя три года со дня выдачи патента (п. 1 ст. 1423 ГК РФ). Следовательно, для селекционного достижения не может идти речь об ответственности за неисполнение обязанности, поскольку факт

---

1 Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf.

2 https://vuzlit.ru/1188925/pravovaya_suschnost_prinuditelnoy_litsenzii.

использования данного РИД не учитывается для получения принудительной лицензии.

Таким образом, не представляется возможным распространить определение принудительной лицензии через ответственность за неисполнение обязанностей на весь институт принудительного лицензирования, раскрытый в ГК РФ.

В литературе также встречается интересная трактовка принудительной лицензии как обременения, а не ограничения исключительного права, поскольку она имеет сходства с сервитутом как обременением права собственности [10]. Однако вещное право и право на интеллектуальную собственность имеют существенные отличия, одно из которых заключается в том, что, если в вещном праве правообладатели распоряжаются вещами, то в праве на РИД происходит распоряжение исключительным правом.

Исключительное право, согласно ГК РФ, имеет ряд ограничений. Основными являются срок действия (ст. 1230) и территория действия (например, ст. 1346). Кроме того, согласно ст. 1229 ГК РФ, ограничения исключительных прав на РИД и на средства индивидуализации, в том числе когда использование РИД допускается без согласия правообладателей, но с сохранением за ними права на вознаграждение, устанавливаются ГК РФ.

Следовательно, поскольку предоставление принудительной лицензии является одним из видов использования РИД без согласия правообладателя, то институт принудительного лицензирования — это одно из ограничений исключительного права.

Исходя из вышеизложенного, принудительная лицензия — это основание для ограничения исключительного права на объект патентного права или селекционное достижение против воли правообладателя в части свободы распоряжения этим правом.

Таким образом, в статье проанализирована правовая природа принудительной лицензии, а также аргументировано то, что ей присуща двойственность — диалектика — объединение форм сотрудничества (элементы лицензионного договора) и принуждения (договор заключается против воли одной из сторон).

Список источников

1. Лосев С. С. Актуальные проблемы применения принудительных лицензий в патентном праве Республики Беларусь // Минск: Право и экономика. Правовое регулирование осуществления и защиты

прав физических и юридических лиц: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора В. Ф. Чигира (Минск, 4–5 ноября 2014 г.). Минск, 2014. С. 160–163.
2. Малыгина А. Н. Институт принудительного лицензирования в патентном праве РФ // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 1 (31). С. 23–32.
3. Комментарий к Патентному закону Российской Федерации / А. Д. Корчагин и др. — М.: Димитрейд график групп, 2004. 459 с.
4. WTO — Trade-Related aspects of Intellectual Property Rights / ed. by Peter-Tobias Stoll. Leden-Boston: Martinus Nijhoff Publ., 2009. 869 p.
5. Correa C. M. Intellectual property rights and the use of compulsory licenses: options for developing countries // South centre. 1999. URL: https://www.iatp.org/sites/default/files/Intellectual_Property_Rights_and_the_Use_of_Co.pdf.
6. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. В. В. Погуляева. М.: Юстицинформ, 2008. 640 с.
7. Еременко В. И. Исключения из патентной монополии в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 8. С. 28–34.
8. Мироненко А. В. Принудительная лицензия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 245–248.
9. Лисовская Л. Что такое принудительная лицензия и в каких странах она существует. URL: https://zuykov.com/ru/about/articles/chto-takoe-prinuditelnaya-licenziya-i-v-kakih-stra (дата обращения: 02.10.2021).
10. Сагдеева Л. В. Принудительная лицензия как обременение исключительных прав // Международное право. 2017. № 4. С. 17–30.

References

1. Losev S. S. (2014) Aktual'nye problemy primeneniya prinuditel'nyh licenzij v patentnom prave respubliki Belarus', Minsk: Pravo i ekonomika. Pravovoe regulirovanie osushchestvleniya i zashchity prav fizicheskih i yuridicheskih lic: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 90-letiyu professora V. F. CHigira (Minsk, 4–5 noyabrya 2014 g.). Minsk, 160–163 (in Russ.).
2. Malygina A. N. (2021) Institut prinuditel'nogo licenzirovaniya v patentnom prave RF. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam,* 1 (31). 23–32 (in Russ.).
3. Korchagin A. D. et al. (2004) Kommentarij k Patentnomu zakonu Rossijskoj Federacii. M.: Dimitreyd graphic groups, 459 p. (in Russ.).

4. WTO — Trade-Related aspects of Intellectual Property Rights (2009), ed. by Peter-Tobias Stoll. Leden-Boston: Martinus Nijhoff Publ.
5. Correa C. M. (1999) Intellectual property rights and the use of compulsory licenses: options for developing countries: South center. https://www.iatp.org/sites/default/files/Intellectual_Property_Rights_and_the_Use_of_Co.pdf.
6. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / pod obsh. red. V. V. Pogulyaeva. (2008) M.: Yustitsinform. 640 p. (in Russ.).
7. Eremenko V. I. (2008) Isklyucheniya iz patentnoj monopolii v sootvetstvii s chast'yu chetvertoj GK RF. *Zakonodatel'stvo i ekonomika,* (8), 28–34 (in Russ.).
8. Mironenko A. V. (2018) Prinuditel'naya licenziya. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk,* (7), 245–248 (in Russ.).
9. Lisovskaya L. (2020) CHto takoe prinuditel'naya licenziya i v kakih stranah ona sushchestvuet. https://zuykov.com/ru/about/articles/chto-takoe-prinuditelnaya-licenziya-i-v-kakih-stra (02.10.2021) (in Russ.).
10. Sagdeeva L. V. (2017) Prinuditel'naya licenziya kak obremenenie isklyuchitel'nyh prav. *Mezhdunarodnoe pravo,* (4), 17–30 (in Russ.).

Статья поступила 15.12.2021, принята к публикации 27.12.2021.

© Пучинина М. М., 2022

Копирайт, 2022, № 1, с. 101–106. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 1. P. 101–106. ISSN 2307-2741

Научная школа

Рационализаторское предложение как новый объект исключительных прав

Научная статья
УДК 347

Антон Вадимович Коленикин
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, магистрант
Москва, Россия
kolenikin@gmail.com

Аннотация. *В статье на основе научного анализа рассматривается рационализаторское предложение как новый объект исключительных прав. Выявлены существующие проблемы в данной области. Представлен анализ понятийного аппарата, а именно: рационализаторское предложение, рационализатор, правовой режим охраны прав рационализаторов. С учетом выявленных проблем в данной сфере предложены пути их решения. Определено текущее состояние по данной проблеме.*

Ключевые слова: исключительные права, рационализаторское предложение, интеллектуальная собственность, результат интеллектуальной деятельности, рационализаторы.

Для цитирования: Коленикин А. В. Рационализаторское предложение как новый объект исключительных прав// Копирайт. 2022. № 1. С. 101–106.

Innovation proposal as a new object of exclusive (patent) rights

A. V. Kolenikin
graduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property
Moscow, Russia
a.kolenikin@gmail.com

Annotation. *In the article, on the basis of scientific analysis, the rationalization proposal is considered as a new object of exclusive rights. The existing problems in this area are identified. The analysis of the conceptual apparatus is presented, namely: the rationalization proposal, the rationalizer, the legal regime for the protection of the rights of rationalizers. Taking into account the identified problems in this area, the ways of their solution are proposed. The current status of this problem has been determined.*

Key words: exclusive rights, innovation proposal, intellectual property, result of intellectual activity, innovators.

For citation: Kolenikin A. V. Innovation proposal as a new object of exclusive (patent) rights // Copyright. 2022. No. 1. P. 101–106.

Развитие отрасли интеллектуальной собственности в XXI в. является максимально быстрым и объемным, направленным на различные институты. В этой связи можно говорить о появлении новых объектов интеллектуальной собственности. Однако также актуальной тенденцией является оценка ранее актуальных объектов интеллектуальной собственности, по какой-то причине вышедших из-под надлежащего правового регулирования.

В правовой литературе до сих пор существуют различные подходы, связанные с необходимостью нормативного регулирования рационализаторского предложения. Подразумевается, что ранее рационализация приносила безусловно положительный экономический и иной эффект не только в рамках предприятий, но и в рамках целых отраслей и даже на национальном уровне.

Тем не менее с развитием интеллектуальной собственности, с переходом на капиталистические отношения рационализация как бы вы-

пала из поля правового регулирования. Причины данного факта часто являются предметом научных дискуссий.

Следует отметить, что рационализаторское предложение, выступающее отличной мотивацией для работников предприятия, стимулирующее техническое творчество, на данный момент не упоминается в Гражданском кодексе Российской Федерации, а на предприятиях (часто на крупных) существует только в рамках инициативы администрации.

Актуальность тематики «Рационализаторское предложение как новый объект исключительных прав» видится не только в существующем пробеле в перечне объектов интеллектуальной собственности, но и достаточно небольшом распространении рационализаторского предложения на практике [1].

Следует рассматривать рационализаторское предложение как продукт человеческого разума, эволюционно преобразующий существующий уровень техники, предлагающий принципиально новые методы работы и взаимодействия, приводящий к непрерывному техническому усовершенствованию известных объектов [2].

В настоящее время рационализаторское предложение как элемент научно-технического творчества, обеспечивающий функционирование науки, техники и производства, не включено в перечень результатов интеллектуальной деятельности, содержащийся в ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)[1], хотя пользовалось правовой охраной в СССР в силу доминировавшей государственной формы собственности. Однако не следует считать, что рационализация в Российской Федерации не существует. На многих предприятиях внедрение технических усовершенствований приносит безусловно положительный экономический эффект [2].

Термин «рационализация» впервые начал появляться в правовых документах советского периода в 20-х гг. прошлого века в том контексте, что «рационализация производства есть массовое развитие самодеятельности трудящихся, направленное в сторону улучшения организации производства путем внесения новых изобретений и усовершенствований»[2].

При этом одним из главных элементов создаваемой системы «рационализации производства» должно было стать «рабочее изобрета-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

[2] Большая советская энциклопедия. В 30 т. 3-е изд. М.: Совет. энцикл., 1969–1986.

тельство», понимаемое как «продвижение всяких технических усовершенствований и деловых предложений» [3].

Таким образом, рационализаторское предложение — это некое организационное, техническое или управленческое решение, характеризуемое новаторским подходом, которое предлагается физическим лицом или коллективом физических лиц, нацеленное на оптимизацию производственного процесса и эффективную экономию ресурсов.

Основная проблема института рационализаторского предложения заключается в отсутствии в действующем законодательстве Российской Федерации должного правового регулирования.

Так, в части четвертой ГК РФ отсутствует упоминание рационализаторского предложения как объекта исключительных прав, тогда как существует реальная необходимость правового регулирования данного объекта.

В науке существуют различные подходы к необходимости внесения рационализаторского предложения именно в ГК РФ.

В числе аргументов против внесения, например, называют «обязанность заниматься рационализаторской деятельностью» [4], что якобы автоматически следует из факта внесения данного объекта в перечень объектов интеллектуальной собственности. С такой позицией невозможно согласиться, она противоречит самому смыслу правового регулирования отдельных отношений.

Нельзя согласиться также с Э. П. Гавриловым в том, что «институт рационализаторства тихо и мирно скончался, и никто не может его реанимировать» [5]. Эту точку зрения опровергает простой анализ отчетов крупных российских компаний по рационализаторским предложениям. Безусловно, не для всех компаний подобное техническое творчество сейчас актуально, но это скорее происходит по причине банального незнания возможностей рационализаторства. Никто из предпринимателей не отказался бы существенно оптимизировать процесс и снизить расходы на ту или иную деятельность, если бы понимал принцип рационализаторства.

Исходя из этого, считаем необходимым предусмотреть в ст. 1225 ГК РФ такой объект интеллектуальной собственности, как рационализаторское предложение. Это поможет достичь сразу нескольких целей:

1) привлечь внимание к рационализаторству как институту. Введение или обновление норм, касающихся объектов интеллектуальных прав, всегда привлекает внимание научного и практического сообщества, так как говорит об актуальности данного объекта;

2) защитить права авторов-рационализаторов. Сегодня в рамках охраны идей технического творчества предлагается использовать режим коммерческой тайны и ноу-хау, однако это в гораздо меньшей степени защищает именно автора идеи.

Безусловно, только правового закрепления такого объекта интеллектуальной собственности, как рационализаторское предложение, недостаточно. Важно на уровне государства дать понять предприятиям и непосредственно авторам рационализаторских предложений, что деятельность рационализаторов важна и необходима, поощряется и считается почетной.

Далее для более подробного урегулирования вопросов относительно сути рационализаторского предложения, прав рационализаторов, а также алгоритма получения документа, закрепляющего факт авторства на конкретное рационализаторское предложение, необходимо предусмотреть отдельную главу в ГК РФ — «Рационализаторское предложение». Здесь также может быть закреплена процедура депонирования прав авторов рационализаторских предложений на общегосударственном уровне с алгоритмом получения правоустанавливающего документа.

Таким образом, закрепление на уровне кодификации объекта интеллектуальной собственности может помочь защитить статус и права автора рационализаторского решения.

Подводя итог, необходимо отметить, что рационализаторское предложение, будучи инструментом, способным увеличить производительность труда, а также ликвидировать технологическое отставание от других развитых государств, нуждается в скорейшем введении правового режима охраны на уровне национального законодательства. Отсутствие должной правовой регламентации рационализаторского предложения как нового объекта исключительных прав служит препятствием развития новаторского потенциала прогрессивных предложений. На сегодняшний день права рационализаторов не охраняются законом, следовательно, отсутствует стимул к осуществлению рационализаторской деятельности в организациях.

Список источников

1. Михайлов А. Е., Зенин А. В. Разработка нормативно-правового регулирования рационализаторского предложения как объекта охраняемой интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики // Вестник СГЮА. 2020. № 6 (137). С. 43–44.

2. Право интеллектуальной собственности. 2-е изд.: учебник / под ред. Близнеца И. А. М.: Проспект. 2015. 846 с.
3. Косарев А. А., Янушкевич И. П. Понятие и признаки охраноспособного рационализаторского предложения // Вопросы изобретательства. 1977. № 1. С. 54–64.
4. Гапоненко М. А., Уланов Е. Д. Нормативно-правовое регулирование рационализаторской деятельности в современной России с учетом реализации механизма «регуляторной гильотины» в сфере интеллектуальной собственности // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15. № 1. С. 40–53.
5. Гаврилов Э. П. Рационализаторские предложения и права, возникающие в связи с ними // Патенты и лицензии. 2010. № 12. С. 16–21.

References

1. Mihajlov A. E., Zenin, A. V. (2020) Razrabotka normativno-pravovogo regulirovaniya racionalizatorskogo predlozheniya kak ob»ekta ohranyaemoj intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki. *Vestnik SGYUA,* 6 (137), 43–44 (in Russ.).
2. Pravo intellektual'noj sobstvennosti (2015) 2-e izd.: uchebnik / pod red. Blizneca I. A. M.: Prospekt. 846 s. (in Russ.).
3. Kosarev A. A., Yanushkevich, I. P. (1977) Ponyatie i priznaki ohranosposobnogo racionalizatorskogo predlozheniya. *Voprosy izobretatel'stva,* (1), 54–64 (in Russ.).
4. Gaponenko M. A., Ulanov, E. D. (2020) Normativno-pravovoe regulirovanie racionalizatorskoj deyatel'nosti v sovremennoj Rossii s uchetom realizacii mekhanizma «Regulyatornoj gil'otiny» v sfere intellektual'noj sobstvennosti. *Upravlenie naukoj i naukometriya,* (15; 1), 40–53 (in Russ.).
5. Gavrilov E. P. (2010) Racionalizatorskie predlozheniya i prava, voznikayushchie v svyazi s nimi. *Patenty i licenzii,* (12), 16–21 (in Russ.).

Статья поступила 20.01.2021, принята к публикации: 07.02.2022.

© Коленикин А. В., 2022

Копирайт

Вестник
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

Научное издание

Выпускающий редактор *О. А. Флягина*
Редактор *Е. Л. Качалова*
Корректор *Е. Р. Горшкова*
Компьютерная верстка *А. В. Плотников*

Подписано в печать 10.03.2022. Формат 70×100/16
Печать офсетная. Объем 6,75 усл. п.л. Тираж 1000 экз.
Зак.

ООО «ТЕИС» 115407, Москва, Судостроительная ул., д. 59

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Для заметок